HJ1206
.L36
1910

OTZYV O SOCHIENENII N.D.
CHECHULINA

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00012411589

This **BOOK** may be kept out **ONE MONTH** unless a recall notice is sent to you. A book may be renewed only once; it must be brought to the library for renewal.

19Aug'63

FEB 14 1967

MAR 4 1968

FEB 25 1974

Отъ автора.

ОТЗЫВЪ

О

СОЧИНЕНІИ Н. Д. ЧЕЧУЛИНА:

„Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II“, С.-Пб. 1906 г.,

СОСТАВЛЕННЫЙ

акад. А. С. Лаппо-Данилевскимъ.

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о пятидесятомъ присужденіи наградъ графа Уварова».

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

Koupený výtisk

II-361

HJ1206
.236
1910
Otzyv o sochinenii N.D.
Chechulina.

Отзывъ о сочиненіи Н. Д. ЧЕЧУЛИНА:

„Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II", С.-Пб. 1906 г.,

составленный академикомъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ.

I.

Нельзя сказать, чтобы наша историческая литература была богата самостоятельными изслѣдованіями по общей исторіи русскихъ финансовъ за время, наступившее послѣ эпохи преобразованій Петра Великаго. Даже матеріалы, напечатанные въ общеизвѣстныхъ сборникахъ документовъ, до послѣднихъ лѣтъ оставались еще далеко не вполнѣ изученными. Въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ о финансовомъ управленіи, о государственныхъ доходахъ и расходахъ, а также объ ассигнаціяхъ въ царствованіе Екатерины II А. Н. Куломзинъ уже воспользовался цѣлымъ рядомъ любопытныхъ архивныхъ документовъ и сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ выводовъ; но все же ни его разысканія, ни работы нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей, касавшихся того-же предмета, не могли въ достаточной мѣрѣ восполнить указываемый пробѣлъ. Только три года тому назадъ Н. Д. Чечулинъ попытался приступить къ систематической разработкѣ тѣхъ же матеріаловъ и напечаталъ ея результаты въ особомъ трудѣ подъ заглавіемъ: «Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II».

336.47
C514oz2

Самъ авторъ готовъ признать отсутствіе рѣзкихъ граней между исторіей русскаго государственнаго хозяйства переходнаго времени и вѣка просвѣщеннаго абсолютизма (с. 273); однако, онъ не остановился на изслѣдованіи того положенія, въ которомъ русское государственное хозяйство оказалось послѣ реформъ Петра Великаго, и предпочелъ заняться разсмотрѣніемъ «главныхъ основныхъ вопросовъ финансовой исторіи Екатерининскаго

1007120

царствованія». Такимъ образомъ, переходное время, въ теченіе котораго обнаружились тяжелыя для русскаго хозяйства послѣдствія эпохи реформъ, до сихъ поръ остается не изученнымъ, а потому и г. Чечулину пришлось не столько выяснять обстоятельства, повліявшія на дальнѣйшую исторію русскихъ финансовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, сколько изучать состояніе ихъ за время ея правленія.

Въ виду современнаго положенія матеріаловъ, пригодныхъ для такого изученія и малой ихъ разработки, г. Чечулинъ ограничилъ и число своихъ источниковъ, и кругъ изучаемыхъ имъ явленій.

Самъ г. Чечулинъ знаетъ, конечно, какъ много почти еще не тронутаго и весьма важнаго матеріала, касающагося его темы, хранится въ нашихъ архивахъ; но авторъ пользуется архивнымъ матеріаломъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. При изложеніи круга вѣдомства и дѣятельности каммеръ-коллегіи послѣ изданія второго ея регламента (1731 г.) авторъ почерпаетъ, напримѣръ, нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній изъ рукописныхъ докладовъ кн. Б. А. Куракина и А. П. Мельгунова, а также изъ документовъ самой коллегіи (сс. 36 — 38, 47 — 49, 64 — 70); далѣе, авторъ извлекаетъ изъ архивныхъ документовъ данныя касательно неисправныхъ вѣдомостей той же коллегіи за 1742, 1743, 1744, 1745 гг. (сс. 40 — 41), свѣдѣнія о разнообразіи статей государственныхъ доходовъ (с. 46), о стоимости губернской реформы (сс. 85 — 86), о размѣрахъ нѣкоторыхъ изъ доходовъ за разные годы (питейныхъ доходовъ за 1749—1762 гг.—с. 168) и, наконецъ, о размѣрѣ расходовъ въ губерніяхъ, значительно возросшихъ послѣ губернской реформы (сс. 284, 287, 288, 293). Въ другихъ случаяхъ ссылки автора на архивные документы имѣютъ довольно случайный характеръ и, вообще, не многочисленны. Итакъ, можно сказать, что г. Чечулинъ изучилъ преимущественно лишь печатный матеріалъ.

Въ предисловіи къ своему труду г. Чечулинъ указываетъ и на то, что онъ съузилъ объемъ своей темы: онъ принялъ во вниманіе «лишь главные основные вопросы финансовой исторіи Екатерининскаго царствованія: высшее управленіе финансами, государственные доходы и расходы и образованіе государственнаго долга, какъ отраженіе результатовъ финансовой политики правительства». Дѣйствительно, довольно долго остановившись на исторіи «высшаго управленія финансами въ Россіи XVIII вѣка» и на обозрѣніи цѣлей и органовъ финансоваго управленія, «которое по самому существу подлежащихъ ему отношеній дѣйствовало постоянно, какъ бы несовершенна ни была его организація» (сс. 1 — 92), авторъ вслѣдъ затѣмъ обращается къ изученію средствъ, поступавшихъ въ распоряженіе правительства, и ихъ «употребленія» (сс. 93); но съ той точки зрѣнія, которой г. Чечулинъ придерживается, онъ преимущественно занимается изслѣдованіемъ государ-

ственныхъ доходовъ (сс. 93 — 262), а не расходовъ (сс. 263 — 318); «подробное же разсмотрѣніе способовъ употребленія государственныхъ доходовъ, по словамъ автора, должно входить ближайшимъ образомъ уже въ исторію тѣхъ отраслей управленія, на потребности которыхъ эти расходы производились» (сс. 263, 266 — 267). Такъ какъ въ результатѣ финансовой политики императрицы Екатерины II, за все время ея царствованія, расходы превзошли доходы на 200 мил. рубл., то правительству предстояло покрыть образовавшійся такимъ образомъ излишекъ выпускомъ ассигнацій и займами. Въ послѣдней части своего труда г. Чечулинъ и обращается къ изученію образованія государственнаго долга, факта, являющагося какъ бы «итогомъ финансовой дѣятельности» всего царствованія (сс. 319 — 374), и заканчиваетъ свой трудъ нѣсколькими замѣчаніями, вообще характеризующими состояніе государственнаго хозяйства въ теченіе изученнаго имъ періода времени (сс. 374 — 380).

Значительно ограничивъ кругъ своихъ источниковъ и съузивъ тему своего изслѣдованія, г. Чечулинъ былъ принужденъ довольствоваться не всегда удачными пріемами изслѣдованія и формулировалъ выводы, на разсмотрѣніи которыхъ мнѣ и придется нѣсколько остановиться.

II.

Въ вводныхъ замѣчаніяхъ къ вышеназваннымъ очеркамъ г. Чечулинъ даетъ историческіе обзоры предшествующаго времени: онъ удѣляетъ довольно много мѣста обозрѣнію исторіи учрежденія коллегій и ихъ дѣятельности, въ частности характеристикѣ регламентовъ каммеръ-коллегіи и ея функціонированія (сс. 1 — 42), а также сообщаетъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о каждой изъ разновидностей важнѣйшихъ сборовъ до 1762 г.; но авторъ почти не приводитъ подобнаго рода свѣдѣній въ послѣднихъ двухъ своихъ очеркахъ, посвященныхъ изученію расходовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II и образованія русскаго государственнаго долга, что̀ нѣсколько нарушаетъ принятый имъ планъ изложенія.

Несмотря на такіе экскурсы въ область исторіи нашего государственнаго хозяйства за время, предшествовавшее царствованію императрицы Екатерины II, г. Чечулинъ не объясняетъ, какіе именно факторы вызывали соотвѣтствующія перемѣны въ финансовомъ управленіи, въ государственномъ бюджетѣ, въ повышеніи или пониженіи государственныхъ доходовъ или расходовъ и т. п. При изложеніи перемѣнъ, наступившихъ въ коллегіальномъ строѣ вообще и въ составѣ каммеръ-коллегіи въ частности послѣ смерти Петра Великаго, авторъ не останавливается, напримѣръ, хотя бы на краткой характеристикѣ того тяжелаго положенія, въ какомъ русскіе финансы оказались

въ то время; а между тѣмъ такое именно положеніе, вѣроятно, оказало существенное вліяніе на рѣшеніе правительства, сократить государственные расходы. Достаточно заглянуть хотя бы въ манифестъ отъ 9 января 1727 года, чтобы убѣдиться, съ какими серіозными затрудненіями правительству приходилось бороться. «Едва ли не всѣ... дѣла, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, по словамъ манифеста, въ худомъ порядкѣ находятся и скорѣйшаго поправленія требуютъ»; въ частности финансы нуждаются въ томъ же: населеніе «въ крайнее и всеконечное разореніе приходитъ»; «всѣмъ извѣстно, какія великія доимки, какъ на денежномъ дворѣ, такъ и въ разныхъ канцеляріяхъ и мѣстахъ на партикулярныхъ людяхъ и особахъ находятся, которыя гораздо болѣе милліона будутъ и изъ оныхъ безотвѣтно многія пропадаютъ»[1]). Естественно, что правительство пыталось по возможности сократить государственные расходы: перемѣны наступили и въ высшемъ финансовомъ управленіи послѣ указа 16 іюля 1726 года; по словамъ самого правительства уменьшеніе числа присутствующихъ членовъ коллегій было сдѣлано «для экономіи въ государственныхъ расходахъ»; въ обнародованномъ текстѣ оно, правда, ссылалось лишь на то, что «въ множайшемъ числѣ членовъ во управленіи дѣлъ лучшаго успѣха не находится» и только «паче въ разногласіяхъ въ дѣлахъ остановка и помѣшательство происходитъ»; но въ своемъ докладѣ верховный тайный совѣтъ еще указывалъ и на то, что при такомъ «множайшемъ» числѣ членовъ «въ жалованьи напрасный убытокъ происходитъ», и что, въ случаѣ сокращенія штатовъ, «въ дачи жалованья убытку не будетъ»[2]). Самъ г. Чечулинъ въ примѣчаніи мимоходомъ замѣчаетъ, что «возможность сбереженій имѣла большое вліяніе на это рѣшеніе» (с. 16); но онъ слишкомъ мало воспользовался такой именно точкой зрѣнія для объясненія тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ числѣ присутствовавшихъ членовъ каммеръ-коллегіи, хотя и приписываетъ большое значеніе мѣрѣ, лишившей коллегію возможности «обсуждать вопросы государственнаго управленія въ широкихъ размѣрахъ» (с. 17). Каммеръ-коллегія не могла расширить своей дѣятельности и по другой причинѣ, можетъ быть, стоявшей въ нѣкоторой связи съ вышеприведенной, и также вскользь указываемой авторомъ: она «не имѣла въ провинціи никакихъ спеціальныхъ, отъ нея прямо зависѣвшихъ, органовъ» (с. 53); правда, рядомъ съ нею возникла контора въ Петербургѣ, но её едва ли можно признать подчиненнымъ каммеръ-коллегіи органомъ областного управленія; во всякомъ случаѣ еще въ 1767 году А. П. Мельгуновъ въ

1) Историческія бумаги, собр. К. И. Арсеньевымъ въ Сб. Отд. Рус. Яз. и Слов. т. IX (1872), сс. 85, 86, 96.

2) П. С. З., т. VII, № 4934. С. Р. И. О., т. LV, сс. 458 — 459. Авторъ почему то не разъ ссылается на VI т. П. С. З. (сс. 16, 18), хотя указы, на которые онъ дѣлаетъ ссылки, помѣщены, конечно, не въ VI, а въ VII томѣ.

докладѣ, представленномъ императрицѣ, предлагалъ значительно усилить составъ каммеръ-коллегіи, а «для точнаго о каждомъ уѣздѣ по камернымъ дѣламъ свѣдѣнія» въ каждомъ городѣ учредить должность камерира, «особо зависящаго отъ коллегіи» (сс. 69 — 70), изъ чего между прочимъ видно, что докладчикъ связывалъ усиленіе численнаго состава каммеръ-коллегіи съ широкимъ планомъ подчиненнаго ей мѣстнаго финансоваго управленія.

Аналогичный пробѣлъ чувствуется и въ тѣхъ главахъ разбираемой книги, которыя посвящены изложенію несоразмѣрнаго съ доходами роста государственныхъ расходовъ и образованія государственнаго долга въ царствованіе императрицы Екатерины II. Только въ концѣ своего труда и опять вскользь г. Чечулинъ замѣчаетъ, что «экономическая сторона является наиболѣе слабой и наиболѣе мрачной стороной екатерининскаго царствованія» (с. 380), что «экономическое движеніе страны впередъ за время цѣлаго столѣтія было крайне незначительнымъ» (с. 376), что «на пространствѣ почти столѣтія страна не развила сколько нибудь замѣтно своей экономической дѣятельности» (с. 259), что въ области государственнаго хозяйства въ царствованіе императрицы Екатерины II «не было совершено ни одной реформы, которая приближалась бы, по своему значенію для народа и для казны, къ введенію подушной подати...» (с. 273); государственные расходы, напротивъ, сильно возрасли. Авторъ не останавливается, однако, на развитіи своей мысли и не выясняетъ главной причины, вызвавшей тотъ финансовый кризисъ, о которомъ ему приходится говорить не разъ.

Самъ г. Чечулинъ признаетъ, что царствованіе императрицы Екатерины II распадается на двѣ неравныя части и что послѣдняя характеризуется наступленіемъ такого именно кризиса (1786 — 1796 гг.): не изучивъ причинъ, которыми онъ былъ вызванъ, авторъ все же «объясняетъ» имъ уменьшеніе государственныхъ доходовъ по нѣкоторымъ статьямъ, напримѣръ горнаго дохода (сс. 227, 232, 289); замѣчая, что съ 1786 года русское правительство «не просто стремилось удовлетворить настоятельную нужду въ деньгахъ, что ставило оно себѣ задачею прежде..., но думало установить и проводить цѣлую опредѣленную экономическую политику» (с. 320), авторъ не выясняетъ, однако, чѣмъ отличалось новое направленіе финансовой политики отъ прежняго: а между тѣмъ если бы онъ подраздѣлилъ избранный періодъ времени на вышеуказанныя части и попытался дать характеристику каждой изъ нихъ въ совокупности ея особенностей, разбираемая книга, вѣроятно, получила бы конструкцію, болѣе удовлетворяющую собственно историческимъ требованіямъ.

Слишкомъ ограничивъ свою историческую точку зрѣнія, г. Чечулинъ наводитъ историческія справки только относительно финансовыхъ учрежденій и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ разновидностей государственныхъ доходовъ; но

эти справки едва ли можно признать вполнѣ достаточными, особенно если имѣть въ виду, что онѣ снова исчезаютъ въ главахъ о государственныхъ расходахъ и о государственномъ долгѣ.

Въ своей работѣ г. Чечулинъ также отказывается дать «освѣщеніе основныхъ принциповъ, опредѣлявшихъ экономическую и финансовую политику эпохи» (с. 375). Самъ г. Чечулинъ, желалъ однако, изучить «цѣли финансоваго управленія» (с. 93); но можно ли изучать ихъ независимо отъ тѣхъ «принциповъ экономической и финансовой политики», которыми руководилось русское правительство того времени? И можно ли разсматривать «главные основные вопросы финансовой исторіи Екатерининскаго царствованія» внѣ ихъ отношенія къ такимъ принципамъ? Въ разбираемомъ трудѣ, г. Чечулинъ, оставилъ ихъ безъ вниманія, но едва ли вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не лишилъ себя возможности «освѣтить» то направленіе, въ какомъ финансовая политика императрицы Екатерины II развивалась, и подыскать ключъ къ той финансовой системѣ, которую она стремилась установить: книга г. Чечулина распадается на рядъ отдѣльныхъ очерковъ, не связанныхъ между собою; авторъ слишкомъ мало изучаетъ тѣ общіе «принципы экономической и финансовой политики», признаніе которыхъ обусловливало выборъ тѣхъ, а не иныхъ способовъ удовлетворенія государственныхъ потребностей и тѣ, а не иные расходы казны, доводившіе ее до крупныхъ долговъ. Только случайно, въ одномъ примѣчаніи, г. Чечулинъ мимоходомъ замѣчаетъ, напримѣръ, что императрица Екатерина II и другіе «дѣятели этой эпохи почерпали свои административныя и въ частности финансовыя идеи преимущественно изъ Монтескье и Бильфельда» (с. 337), но даже не упоминаетъ ни французской энциклопедіи, ни именъ Юсти, Зонненфельса и т. п. Такихъ бѣглыхъ замѣчаній, разумѣется, недостаточно для того, что бы составить себѣ понятіе о тѣхъ «принципіяхъ», которыхъ императрица придерживалась, а, значитъ, и того направленія, какое она хотѣла придать своей финансовой политикѣ; въ частности нельзя не замѣтить, напримѣръ, вліянія ея умѣренно либеральныхъ взглядовъ на выработку таможенныхъ тарифовъ 1766 и особенно 1782 годовъ[1]); а они между тѣмъ, въ свою очередь повліяли и на размѣры таможенныхъ сборовъ: если довѣрять цифровымъ показаніямъ, «доходъ отъ таможенъ» въ 1767 и слѣдующихъ годахъ нѣсколько понизился, а размѣры «дѣйствительныхъ» поступленій 1783 года превзошли ожиданія самого правительства и оказались значительно выше поступленій предшествующаго года (сс. 217 — 218). Въ другомъ мѣстѣ своего труда разсказывая, напримѣръ, о томъ, что совѣтъ въ 1793 году слушалъ предложеніе, чтобы приступить къ «продажѣ всѣхъ въ Россійской имперіи существующихъ пустопорожнихъ

1) A. Lappo-Danilevski, Die Russische Handels-Kommission von 1763 — 1796 въ Beiträge zur Russischen Geschichte, hrsg. von O. Hötzsch, Berl. 1907, ss. 179, 181, 193—194 и др.

земель, коронѣ принадлежащихъ», г. Чечулинъ, называетъ его «изумительнымъ» «чудовищнымъ» и т. п. (с. 370). Въ своей оцѣнкѣ авторъ, однако, слишкомъ мало принимаетъ во вниманіе финансовые взгляды того времени: дѣйствительно еще Юсти придавалъ большое значеніе доменамъ; но уже Адамъ Смитъ, указывалъ на то, что казна — плохой хозяинъ, и склонялся скорѣе въ пользу отчужденія казенныхъ земель; между прочимъ, онъ полагалъ, что «всякой великой европейской монархіи» выгодно погашать государственные долги тѣми «большими суммами» денегъ, которыя онѣ могутъ выручить отъ продажи такихъ земель. Въ предложеніи 1793 года, значитъ, можно видѣтъ, пожалуй, слѣды вліянія его идей; вышеуказанное предложеніе слѣдовало бы поставить въ связь съ взглядами того времени, а не подвергать его довольно субъективной оцѣнкѣ на основаніи современной намъ теоріи.

Съ финансовой точки зрѣнія г. Чечулину легко было сосредоточить свое изложеніе, главнымъ образомъ, на обозрѣніи государственныхъ доходовъ и расходовъ Россіи за извѣстный періодъ времени; но съ точки зрѣнія исторической такое построеніе едва ли можетъ удовлетворять читателя: авторъ почти вовсе не изучаетъ не только тѣхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывалась наша финансовая система, и тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, которыя обусловливали образованіе той, а не иной ихъ комбинаціи, но и тѣхъ «дѣятелей», черезъ посредство и при участіи которыхъ извѣстные принципы оказывали дѣйствіе на изучаемый имъ процессъ и послѣдній осуществлялся въ дѣйствительности. Нисколько не желая упрекнуть г. Чечулина въ томъ, что онъ изучаетъ лишь «главные вопросы», я не могу не замѣтить, однако, что авторъ не попытался выяснить, какую долю вліянія въ ихъ рѣшеніи можно приписать воздѣйствію отдѣльныхъ, наиболѣе крупныхъ личностей и т. п.

Въ качествѣ примѣровъ достаточно привести отношеніе г. Чечулина къ вопросу о вліяніи Петра Великаго на возникновеніе регламента каммеръ-коллегіи и на участіе императрицы Екатерины II въ составленіи окладной книги.

Г. Чечулинъ полагаетъ, что вопросъ о томъ, какимъ образомъ регламентъ каммеръ-коллегіи былъ составленъ, «какъ велико было личное участіе Петра Великаго въ составленіи этого акта, являлся ли регламентъ болѣе или менѣе самостоятельнымъ произведеніемъ, лишь въ основу котораго положенъ былъ тотъ или другой нѣмецкій или шведскій образецъ, или онъ [т. е. регламентъ каммеръ-коллегіи] былъ простымъ сколкомъ съ какой нибудь иноземной инструкціи, вопросъ объ этомъ важенъ для исторіи Петра Великаго, но для исторіи каммеръ-коллежскаго управленія онъ имѣетъ значеніе менѣе, чѣмъ второстепенное» (с. 7). Такое мнѣніе врядъ ли можно признать правильнымъ: для пониманія регламента каммеръ-коллегіи и послѣдующей его исторіи знаніе его генезиса, конечно, имѣло-бы значеніе;

извѣстно, что коллегіи велѣно было «производить дѣйствіе въ сборахъ и въ прочемъ по указамъ и по даннымъ регуламъ шведскаго устава»[1]); но г. Чечулину достаточно знать, что «сію инструкцію царское величество изволилъ слушать декабря 11 дня 1719 года и указалъ: напечатать и по ней управлять» (с. 8). Сверхъ того и только что приведенное г. Чечулинымъ извѣстіе даетъ не совсѣмъ точное понятіе о ходѣ дѣла. Петръ Великій «изволилъ въ сенатѣ слушать» «инструкцію» каммеръ-коллегіи еще 29 января 1719 года при чемъ указалъ «быть [ей] въ той силѣ, какъ исправлена»; копія съ нея тогда же была сообщена въ каммеръ-коллегію; но, за отбытіемъ царя въ походъ, она тогда не была имъ подписана[2]); регламентъ каммеръ-коллегіи дѣйствительно сопровождается припиской, которая приводится г. Чечулинымъ; авторъ не выяснилъ, однако, сдѣланы ли были еще какія нибудь исправленія его текста, или онъ былъ утвержденъ въ прежнемъ видѣ, а потомъ и напечатанъ.

Исторія составленія окладной книги также восходитъ ко временамъ Петра Великаго: онъ уже имѣлъ въ виду предпринять такую работу: въ 1710 г., напримѣръ, онъ хотѣлъ «выправиться, сколько со всего государства доходовъ порознь съ каждова» и «сколько всего» расходовъ, для чего нѣсколько позднѣе и велѣлъ «учинить генеральное вѣдѣніе» изъ «краткихъ вѣдомостей», въ свою очередь составленныхъ изъ «валовыхъ» вѣдомостей о приходѣ и расходѣ каждой губерніи[3]). Каммеръ-коллегія въ силу своего регламента также должна была «податямъ и расходамъ положить извѣстное число» и, пользуясь «окладной книгой штатсъ-конторы», вѣдать, коликое число расходовъ по вся годы возтребуется, дабы, когда нужда позоветъ, она могла бы чрезвычайные поборы положить...»[4]); аналогичное порученіе составить окладную книгу и для всего государства, и для отдѣльныхъ областей возлагалось на ту же коллегію въ силу новаго ея регламента 1731 г.[5]). Тѣмъ не менѣе окладная книга долгое время не была составлена. Въ 1733 г. кабинетъ-министры «ходили вверхъ къ ея величеству и ея величество изволила подписать указъ въ сенатъ», но только «о сочиненіи окладной каммеръ-коллегіи книги и счетовъ». Послѣ того, какъ выяснилось, что каммеръ-коллегія ничего сдѣлать не можетъ, сенатъ въ 1741 году принялъ на себя заботу о составленіи такой книги; но и онъ едва ли достигъ какихъ либо положительныхъ результатовъ; дѣло было снова передано въ каммеръ-коллегію (1754 г.); еще въ 1764 году книга была «не токмо не окончена», но требовала «совсѣмъ новаго

1) П. С. З., т. V, № 3468.

2) П. С. З., т. V, № 3291; то-же было и съ инструкціей штатсъ-конторъ-коллегіи; см. ib., № 3302.

3) С. Р. И. О., т. XI, с. 173. П. С. З., т. IV. № 2481, ст. 7.

4) П. С. З., т. V, № 3466, ст. 3—6; ср. еще ib., № 3303, ст. 6.

5) П. С. З., т. VIII, № 5789, ст. 2.

разсмотрѣнія»[1]). Въ своемъ рапортѣ императрицѣ отъ 20 января 1765 г. Петръ Панинъ (сенаторъ) писалъ: хотя окладная книга по всему государству «сочиненіемъ начиналася въ разныя времена, не только въ той [каммеръ-] коллегіи, да и въ самомъ сенатѣ, однакожъ и по нынѣ ея, за принятыми непреодолимыми трудностями и за неположеніемъ той книги никогда еще генеральныхъ правилъ, не сдѣлано»[2]). А между тѣмъ отсутствіе окладной книги (вмѣстѣ съ другими обстоятельствами) приводило къ довольно печальнымъ послѣдствіямъ, указаннымъ сенатомъ въ его наказѣ своему депутату въ коммиссію о составленіи проекта новаго уложенія: «государственные доходы, по словамъ наказа, такъ спутаны и замѣшаны, что едва по сіе время возможно узнать о всѣхъ прямыхъ ихъ названіяхъ; къ сему доказательствомъ служитъ то, что въ сенатѣ, какъ первѣйшемъ правительствѣ, о названіи доходовъ никакого свѣдѣнія не было; а по посланнымъ указамъ о семъ въ каммеръ-коллегію, оная объявила, что и у ней такового свѣдѣнія не имѣлось; итакъ, оставались они вѣдомы только въ тѣхъ мѣстахъ, куда изъ плательщиковыхъ рукъ вступали, отъ чего и происходило, какъ нынѣ открывается, что нѣкоторые доходы, опредѣленные еще отъ временъ государя царя Іоанна Васильевича, никогда разсматриваны не были, а по разнымъ государственнымъ перемѣнамъ и учрежденіямъ болѣе вреда обществу, нежели государственной казнѣ прибыли приносятъ»[3]). Съ такой точки зрѣнія составленіе окладной книги становилось очень желательнымъ; императрица Екатерина II, вполнѣ сознавала назрѣвшую потребность въ ея составленіи и достигла, наконецъ, осуществленія давно начатаго дѣла; но г. Чечулинъ, мимоходомъ отмѣтивъ нѣсколько прежнихъ попытокъ составленія окладной книги, не выясняетъ послѣдующей ея исторіи, въ которой извѣстная роль принадлежала самой императрицѣ.

Уже 16 августа 1762 года императрица Екатерина II писала генералъ прокурору А. И. Глѣбову: «о подушномъ сборѣ есть у меня извѣстіе, а о прочихъ доходахъ еще ничего не знаю, также и о расходахъ, пожалуй, сдѣлайте для меня ясный и краткій экстрактъ»[4]); въ указѣ же 30 марта 1764 года она повелѣла каммеръ-коллегіи «сбирать подробныя изо всѣхъ мѣстъ государства о доходахъ и всякихъ сборахъ вѣдомости, внося оныя въ общую окладную книгу...»[5]); но изъ сенатскаго указа отъ 13 октября того же года видно, что каммеръ-коллегія, несмотря на неоднократныя подтвержденія, не получила отъ большинства губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канце-

1) С. Р. И. О., т. CVI, с. 52; ср. Н. Чечулинъ, Очерки, сс. 22, 28, 37 — 38, 41 — 42.
2) С. Р. И. О., т. XXVIII, с. 109.
3) С. Р. И. О., т. XLIII, с. 9.
4) С. Р. И. О., т. VII, с. 137.
5) П. С. З., т. XVI, № 12118, ст. 2.

лярій вѣдомостей о вступившихъ за 1763 годъ доходахъ. Даже два года послѣ попытки преобразовать её, каммеръ-коллегія все еще жаловалась сенату, что «ни которое правительство» не присылаетъ къ должному ея свѣдѣнію извѣстій о государственныхъ доходахъ и расходахъ. Согласно ея доношенію сенатъ, 2 мая 1766 года, послалъ указъ присутственнымъ мѣстамъ обѣихъ столицъ о представленіи въ коллегію вѣдомостей о количествѣ доходовъ и расходовъ для того, что бы она могла составить окладную книгу[1]). Прокуроры, дѣйствительно, прислали «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ» «вѣдомости о всѣхъ названіяхъ государственныхъ доходовъ»; но кн. А. А. Вяземскій и А. П. Мельгуновъ, разбиравшіе ихъ, не могли признать ихъ достаточными для составленія окладной книги: они пришли къ заключенію, что въ тѣхъ вѣдомостяхъ во первыхъ, «доходы перемѣшаны и писаны одинакого званія въ окладныхъ и въ неокладныхъ, также одинакой доходъ именованъ разными доходами»; во вторыхъ, «многіе доходы раздѣлены по частямъ, кои уже сдѣлались одинакимъ сборомъ»; въ третьихъ, «включены многіе такіе, кои по временамъ и разными указами оставлены»; и наконецъ, въ четвертыхъ, что «много такихъ доходовъ есть, о коихъ никакого основанія не видно, почему они сбираются»[2]). Новый генералъ-прокуроръ, кн. А. А. Вяземскій, котораго императрица считала своимъ «ученикомъ», и сама «формировала», долженъ былъ, конечно, позаботиться объ исправленіи указанныхъ погрѣшностей и о составленіи окладной книги; и дѣйствительно, императрица объявила генералъ-прокурору изустное повелѣніе «сдѣлать для совершеннаго свѣдѣнія и исчисленія о всѣхъ государственныхъ доходахъ окладную книгу»[3]). Въ концѣ 1770 г. усидчивый «ученикъ» императрицы, согласно ея повелѣнію, разослалъ новыя формы вѣдомостей по канцеляріямъ съ требованіемъ, что-бы «всякая канцелярія за свой только городъ и уѣздъ присылала ихъ [въ заполненномъ видѣ] прямо отъ себя, развѣ случится, что къ которому либо городу, гдѣ губернская, провинціальная или воеводская канцелярія состоитъ, прилежатъ пригородки и въ оныхъ находятся коммисары»; въ послѣднемъ случаѣ «всякая такая канцелярія должна была отъ таковыхъ мѣстъ истребовать тѣ по формѣ вѣдомости къ себѣ и оныя прислать при своихъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ». Наконецъ, по полученіи означенныхъ вѣдомостей, кн. А. А. Вяземскому удалось, вмѣстѣ съ А. П. Мельгуновымъ составить извѣстную окладную книгу 1769 года. Сама императрица оцѣнила работу своихъ сотрудни-

1) П. С. З., т. XVII, № 12632.

2) Сборникъ свѣд. и мат. по вѣдомству министерства финансовъ 1866 г., т. III, кн. X, с. 24; ср. С. Р. И. О., т. XXVII, с. 171.

3) А. Храповицкій, Дневникъ, изд. Н. Барсукова, сс. 279, 323, 418. Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по министерству финансовъ 1866 г., т. III, кн. X, сс. 24, 29.

ковъ въ рескриптѣ на имя генералъ-прокурора, въ которомъ она отмѣтила его «ревность къ пользѣ службы»: «отмѣнный вашъ трудъ въ приведеніи государственныхъ доходовъ въ порядокъ и сочиненіи окладной государственнымъ доходамъ книги, писала она въ рескриптѣ, о которой черезъ пятьдесятъ лѣтъ стараніе понынѣ тщетно прилагаемо было, доказалъ еще болѣе, что сіе полезное и великое дѣло вашему токмо трудолюбію совершить надлежало»[1]). Впрочемъ, и окладная книга 1769 г. далеко еще не отличалась надлежащею полнотою: не всѣ присутственныя мѣста, напримѣръ, представили требуемыя свѣдѣнія. Вѣдомости были получены отъ 256 мѣстъ, не считая 20 мѣстъ, вѣдомости которыхъ были отосланы обратно «по причинѣ, что въ нихъ отъ дороги и отъ мочки въ уксусѣ ничего не видно»; а 56 мѣстъ вовсе не доставили такихъ вѣдомостей[2]). Можно думать, однако, что съ теченіемъ времени дѣло составленія окладныхъ книгъ получило дальнѣйшее усовершенствованіе, особенно со времени учрежденія при сенатѣ въ 1773 году особой «экспедиціи о государственныхъ доходахъ».

Впрочемъ, императрица Екатерина II не переставала и впослѣдствіе интересоваться составленіемъ окладныхъ книгъ; ея замѣтки удостовѣряютъ, что она, лично работала надъ «сочиненіемъ окладной книги уѣзда». Въ собственноручной «вѣдомости 1776 года къ сочиненію окладной книги уѣзда» она дѣлитъ государственные доходы на двѣ группы; а именно: 1) на «сборъ съ лицъ» и 2) на «сборъ съ имѣній»; «сборъ съ лицъ» распадается на «узаконенные» и на «случайные» государственные доходы; при исчисленіи «сбора съ имѣній» императрица также перечисляетъ «узаконенные государственные доходы»[3]).

Такимъ образомъ, можно придти къ заключенію, что императрица Екатерина II въ извѣстной мѣрѣ содѣйствовала составленію «окладныхъ книгъ», а между тѣмъ нельзя отрицать, что появленіе ихъ представляетъ «значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ приведенія государственныхъ доходовъ въ какой либо порядокъ и единство»[4]).

Можно было бы указать и на другіе случаи, когда отдѣльныя личности играли нѣкоторую роль въ исторіи нашихъ финансовъ, въ частности припомнить, напримѣръ, что императрица Екатерина II вліяла и на бюджетъ государственныхъ расходовъ, и т. п.[5]). Сказаннаго, однако, достаточно для того, чтобы

1) Д. Бантышъ-Каменскій, Словарь, т. I, сс. 367—368.

2) Сборникъ мат. и свѣд. по министерству финансовъ 1866 г., т. III, [illegible] сс. 30—31.

3) Гос. Арх., X, 19, лл. 358—361.

4) А. Куломзинъ, Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II въ Рус. Вѣст. 1870 г., октябрь, с. 420; ниже авторъ замѣчаетъ, что «самый фактъ существованія этихъ книгъ... составляетъ уже огромный шагъ впередъ и, можно сказать, эпоху въ исторіи нашего финансового управленія».

5) А. Храповицкій, Дневникъ, с. 9 — 10 и др.

показать, что съ исторической точки зрѣнія г. Чечулину нельзя было игнорировать дѣятельность лицъ, оказавшихъ замѣтное воздѣйствіе на развитіе нашего государственнаго хозяйства. Въ послѣднемъ изъ своихъ очерковъ самъ авторъ счелъ нужнымъ измѣнить свои пріемы изслѣдованія въ томъ именно направленіи, на которое мнѣ приходится указывать. При изученіи образованія русскаго государственнаго долга и усиленныхъ выпусковъ государственныхъ ассигнацій въ царствованіе Екатерины II г. Чечулинъ обращаетъ вниманіе, напримѣръ, на то, что императрица видимо находилась подъ вліяніемъ идей гр. А. П. Шувалова, «игравшаго уже большую роль въ рѣшеніи финансовыхъ вопросовъ» и, вѣроятно, приняла во вниманіе записку А. А. Безбородка, въ которой онъ указывалъ на затруднительность повышенія бремени налоговъ; вопреки мнѣнію гр. Г. Г. Орлова, а также проектамъ кн. А. А. Вяземскаго она благопріятствовала выпуску ассигнацій и заключенію займовъ внѣ государства, «хотя бы съ прибавкою процентовъ» (сс. 329 и сл., 339, 343, 364). Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ г. Чечулинъ не столько имѣетъ въ виду выяснить значеніе каждаго изъ факторовъ подобнаго рода, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ, сколько описываетъ ходъ преній, происходившихъ въ совѣтѣ и приведшихъ къ извѣстнымъ мѣрамъ 1786 и слѣдующихъ годовъ. Тѣмъ не менѣе даже съ такой точки зрѣнія пріемы изслѣдованія, употребляемые г. Чечулинымъ, нельзя признать однородными: въ послѣднемъ изъ своихъ очерковъ онъ вступаетъ въ область исторіи «идей», «мнѣній» и «проектовъ» отдѣльныхъ «дѣятелей», пріемъ отъ котораго онъ уклонился въ предшествующихъ главахъ своего труда и соблюденіе котораго, конечно, придало послѣдней его части гораздо болѣе жизненности.

Наконецъ, въ историческомъ построеніи г. Чечулина нельзя не замѣтить еще одного пробѣла: авторъ слишкомъ мало останавливается на выясненіи того вліянія, какое крупныя историческія событія оказывали на наши финансы. Возвѣщенная манифестомъ 18 ноября 1768 года война съ Турціей, напримѣръ, вызвала цѣлый рядъ финансовыхъ мѣропріятій: повышеніе оклада нѣкоторыхъ налоговъ, отчасти связанное съ болѣе равномѣрнымъ облаженіемъ податныхъ классовъ, привлеченіе остзейскихъ провинцій «къ равномѣрному понесенію тягости», выпускъ асссигнацій, внѣшніе займы и т. п.[1]); хотя авторъ и упоминаетъ, конечно, объ этихъ перемѣнахъ, но не разсматриваетъ ихъ въ совокупности, т. е. въ качествѣ послѣдствій, вызванныхъ турецкою войною; а между тѣмъ съ собственно исторической точки зрѣнія ихъ слѣдовало бы изучать именно въ такой совокупности. Аналогичныя замѣчанія можно было бы сдѣлать и относительно событій позднѣйшаго вре-

1) А. Куломзинъ, Государственные доходы и расходы въ царствованіе императрицы Екатерины II въ Рус. Вѣст. 1870 г., октябрь, сс. 374—390.

мени; авторъ также слишкомъ мало принимаетъ ихъ во вниманіе, по крайней мѣрѣ въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Вмѣстѣ съ изученіемъ генезиса финансовой системы императрицы Екатерины II г. Чечулину пришлось пользоваться и болѣе спеціальными пріемами для того, что-бы подвергнуть историко-статистической обработкѣ тѣ цифровыя данныя, которыми она характеризуется. Авторъ едва ли, однако, успѣлъ преодолѣть всѣ затрудненія, связанныя съ подобного рода работой.

Г. Чечулинъ не попытался восполнить пробѣлы, существующіе въ до сихъ поръ напечатанныхъ финансовыхъ вѣдомостяхъ того времени. Авторъ мирится, напримѣръ, съ тѣмъ, что у него не оказалось никакихъ свѣдѣній о количествѣ поступившихъ въ 1774 — 1776, 1778 — 1780 годахъ подушныхъ и оброчныхъ сборовъ, хотя они и составляли самую значительную часть всего числа сборовъ (сс. 138 — 139); ему приходится отказаться и отъ сообщенія свѣдѣній о бюджетѣ ежегодныхъ расходовъ за 1774 — 1780 годы (сс. 314 — 315; ср. еще с. 293). А между тѣмъ г. Чечулинъ пишетъ, что онъ «сдѣлалъ все, что могъ, что-бы достигнуть возможно высшей степени точности» своихъ выводовъ (с. 313).

Помимо вышеуказанныхъ пробѣловъ, печатные источники представляютъ неудобство въ томъ отношеніи, они не всегда воспроизведены въ полномъ видѣ. Вѣдомости о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1762—1773 годы, напримѣръ, были напечатаны не «во всей ихъ подробности», а лишь «главнѣйшіе ихъ цифры и итоги», причемъ хотя «подлинная номенклатура» и была сохранена въ данныхъ о доходахъ, но свѣдѣнія о расходахъ были «подведены подъ главнѣйшія рубрики»; правда, вѣдомости за 1762, 1763, 1770 и 1771 годы были опубликованы, но другія «представляющія чрезвычайно много любопытнаго», все же въ печати пока извѣстны лишь въ извлеченіяхъ. Текстъ окладныхъ книгъ находится въ аналогичномъ положеніи: одна изъ нихъ (1769-го года) воспроизведена полностью, а окладныя книги 1773, 1776 и 1777 годовъ напечатаны въ извлеченіяхъ. Впрочемъ, табели о государственныхъ доходахъ, расходахъ и остаткахъ съ 1781 до 1796 гг. (не говоря о росписяхъ позднѣйшаго времени) были напечатаны во всей ихъ подробности; но эти табели «не содержатъ никакихъ данныхъ относительно расходованія особыхъ доходовъ, бывшихъ въ распоряженіи особыхъ вѣдомствъ» и ограничиваются исчисленіемъ «обыкновенныхъ» источниковъ государственныхъ доходовъ и обыкновенныхъ же «статныхъ» расходовъ.

Состояніемъ печатнаго матеріала, можетъ быть, отчасти объясняется и то, что г. Чечулинъ въ своемъ трудѣ не даетъ достаточно полной критики хотя бы главнѣйшихъ разновидностей тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользуется (ср. сс. 107 — 110).

Можно указать случаи, напримѣръ, когда г. Чечулинъ даже не въ

состояніи рѣшить, съ какимъ источникомъ онъ имѣетъ дѣло. Въ качествѣ «источниковъ нашихъ свѣдѣній о расходахъ за 1764—1773 гг.» привлекая вышеназванныя «сводныя вѣдомости», авторъ замѣчаетъ, что цифры, въ обоихъ изданіяхъ приводимыя изъ архивнаго дѣла, не вполнѣ сходятся между собою. «Намъ, пишетъ авторъ, къ сожалѣнію не удалось видѣть и изучить это дѣло въ подлинникѣ и мы не можемъ, поэтому, съ увѣренностью сказать: одинъ ли документъ послужилъ для того и другого изданія или разные, и если одинъ — то гдѣ изданъ онъ вѣрнѣе, а по печатному тексту рѣшить это невозможно въ виду того, что документъ въ обоихъ изданіяхъ напечатанъ съ сокращеніями» (сс. 274—275). Авторъ «склоненъ» объяснять такія разнорѣчія предположеніемъ, что существовалъ одинъ источникъ, не вполнѣ точно переданный въ какомъ либо изъ двухъ изданій, и полагаетъ, что «не легко допустить, что бы въ одномъ и томъ же архивѣ существовали за цѣлый рядъ годовъ два разные документа» и т. д.[1]).

Надлежащее критическое обслѣдованіе финансовыхъ вѣдомостей того времени, способа ихъ составленія и степени ихъ достовѣрности также возможно, лишь при изученіи ихъ текста въ полномъ объемѣ. Самъ авторъ приводитъ цѣлый рядъ извѣстій, показывающихъ насколько изслѣдователю трудно довѣрять точности финансовыхъ расчетовъ и подсчетовъ XVIII-го вѣка. По требованію сената въ 1747 году, напримѣръ каммеръ-коллегія должна была составить вѣдомость о государственныхъ доходахъ и расходахъ за нѣсколько лѣтъ (1742, 1743, 1744 и 1745 гг.); но сама она вскорѣ признала свою вѣдомость «неисправною» и «утвердилась» на другой: сравнивая ихъ конечные итоги, можно придти къ заключенію, что ошибка была значительна[2]). Даже въ позднѣйшее время (1762 г.), сенатъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ доходовъ и не зналъ «званія» всѣхъ расходовъ; генеральная вѣдомость за 1763 годъ о всѣхъ государственныхъ доходахъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года не было сочинена (сс. 42, 65) и т. п. Естественно, что и вѣдомости о государственныхъ доходахъ по отдѣльнымъ важнѣйшимъ статьямъ далеко не всегда можно признать надежными. Казна ожидала, напримѣръ, отъ надбавки цѣны вина получить доходъ въ размѣрѣ 998.376 рубл.; несмотря на то, что доходъ отъ этой прибавки

---

1) По оффиціальнымъ справкамъ, наведеннымъ, по просьбѣ Академіи Наукъ, Отдѣленіемъ департамента Государственнаго Казначейства, оказывается, что дѣло, содержащее свѣдѣнія о государственныхъ расходахъ за 1764 — 1773 гг., въ архивѣ департамента государственнаго казначейства, теперь не могло быть найдено.

2) Н. Чечулинъ, Очерки и проч., с. 41; таковъ, если я не ошибаюсь, выводъ автора, едва ли съ надлежащею ясностью формулированный имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «при общей суммѣ всѣхъ [?] приведенныхъ тутъ [т. е. въ обѣихъ вѣдомостяхъ] цифръ приблизительно въ 36 мил. рубл. невѣрности достигаютъ почти 10 мил. рубл. т. е. ошибка болѣе 30%».

далъ въ первый годъ всего 821.000 рубл., а въ 1756 г. прибыль достигла 1.440.000 рубл. и затѣмъ, въ 1757 г., послѣ новаго повышенія, потребленіе вина уменьшилось и прибыли оказалось почти на 200.000 рубл. меньше, чѣмъ въ предшествующемъ году, штатсъ контора ежегодно, и еще въ 1762 году продолжала считать, что на извѣстныя статьи отпускается изъ прибыльныхъ за вино по *ca.* 998.000 рубл. . . .; такія же вѣдомости каммеръ-коллегіи отличались большими погрѣшностями: въ исчисленіи собственнаго ея питейнаго дохода, сдѣланномъ въ 1771 году, по свидѣтельству сената, «не только вѣрнаго, но ниже основательнаго ничего нѣтъ» (сс. 52, 76). Счетоводство въ соляной конторѣ было также весьма мало удовлетворительно: отчеты о продажѣ соли и о вырученныхъ деньгахъ съ 1762 года не были получены въ контору отъ многихъ городовъ еще въ 1770-мъ году; тогда же оказалось, что соляная контора «не только не знаетъ о своемъ доходѣ, сколько гдѣ его состоитъ, но въ самыхъ суммахъ запуталась» . . . (с. 54). Аналогичныя свѣдѣнія можно привести и относительно вѣдомостей о другихъ государственныхъ доходахъ того времени, напримѣръ о таможенныхъ сборахъ. Размѣры ихъ за 1762—1772 гг. извѣстны намъ по двумъ балансовымъ вѣдомостямъ: 1773 и 1793 годовъ; цифры, приводимыя въ послѣдней вѣдомости (она была «сочинена» въкъ оммерцъ-коллегіи) почти всѣ сходятся съ цифрами, заимствованными г. Чечулинымъ у Шторха[1]); но, авторъ оставляетъ безъ вниманія любопытное разногласіе цифровыхъ показаній, получающееся, если сравнить размѣры таможенныхъ доходовъ за одни и тѣ же годы, показанные въ двухъ разныхъ вѣдомостяхъ: при сличеніи ихъ оказывается, напримѣръ, что, при одинаковыхъ въ обѣихъ вѣдомостяхъ цифрахъ ввоза и вывоза за 1764, 1766 и 1768 гг. цифры таможеннаго дохода разнятся, а при разныхъ торговыхъ балансахъ за 1769 г. таможенный сборъ—одинаковъ[2]). Между тѣмъ г. Чечулинъ пользуется этими цифрами безъ всякихъ оговорокъ; онъ даже полагаетъ, что доступные ему документы даютъ «твердую и надежную точку опоры» для изслѣдованія государственныхъ доходовъ за избранный имъ періодъ времени (с. 264).

---

1) Н. Чечулинъ, Очерки, с. 219: «цифры всей суммы таможенныхъ поступленій мы заимствуемъ у Шторха, откуда заимствовалъ данныя и г. Лодыженскій». Легко замѣтить, однако, разногласіе въ нѣкоторыхъ цифрахъ, приводимыхъ Шторхомъ, и цифрами, принятыми г. Чечулинымъ. Шторхъ (H. Storch, Supplementband zum fünften, sechsten und siebenten Theil des hist.-stat. Gemäldes des Russischen Reichs, Lpz., 1803, ss. 3—4) приводитъ слѣдующія «Summen der Zolleinahmen» (въ тысячахъ рублей): за 1765 г. — 3.126; за 1778 г. — 2.976; за 1790 г. — 6.958; за 1795 г. — 5.424; у г. Чечулина подъ тѣми-же годами я нахожу нѣсколько иныя цифры, и именно: 3.125; 2.971; 3.118; 6.957; 5.409 (сс. 217—218).

2) Н. Ѳирсовъ, Русскія балансовыя вѣдомосто XVIII ст., какъ историко-статистическій источникъ въ Учен. Зап. Казанскаго Унив. 1900 г., апрѣль, стр. 12 и табл. II и III; цифры, приводимыя авторомъ, я не свѣрялъ съ подлинниками; данныя вѣдомости 1793 г. (табл. II) совпадаютъ съ свѣдѣніями, сообщенными Шторхомъ.

Не подвергнувши спеціальному обслѣдованію вѣдомостей о государственныхъ доходахъ, г. Чечулинъ счелъ нужнымъ однако, написать нѣсколько словъ о точности своихъ вычисленій, но только касательно государственныхъ расходовъ въ Екатерининское царствованіе, почему его замѣчанія и попали въ середину книги (сс. 263 — 273). Дошедшія до насъ вѣдомости о государственныхъ расходахъ, по крайней мѣрѣ до 1781-го года, страдаютъ большими недостатками: «онѣ, по словамъ автора, обыкновенно неполны, иногда содержатъ почти непримиримыя неясности и противорѣчія; частью онѣ являются отчетами о произведенныхъ расходахъ, частью предположеніями о предстоящихъ расходахъ; все это неизбѣжно вноситъ и въ изученіе расходовъ не мало неясностей, неточностей, дѣлаетъ необходимымъ ограничиваться иногда предположеніями, толкованіями, которыя, какъ бы ни были они правдоподобны, все же не могутъ имѣть силу и значеніе неоспоримыхъ, на ясныхъ фактахъ основанныхъ выводовъ» (с. 266). Авторъ приводитъ авторитетныя показанія о тѣхъ разногласіяхъ, которыя обнаруживались между вѣдомостями, касавшимися одного и того же предмета, и которыя свидѣтельствуютъ «о поразительной халатности при исчисленіи и установленіи цифръ»; кромѣ подобныхъ неточностей или неясностей, иногда, вѣроятно, связанныхъ и съ злоупотребленіями, авторъ указываетъ еще на «другія неясности, которыя являются результатомъ неудовлетворительности тогдашняго дѣлопроизводства или счетоводства и не мало вредятъ точности нашихъ вычисленій». При обозрѣніи государственныхъ расходовъ съ 1781 по 1796 г. авторъ «съ полною увѣренностью и съ большимъ чувствомъ удовлетворенія» считаетъ себя, однако, въ правѣ утверждать, что близкое соотвѣтствіе истинѣ его расчетовъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію (с. 292; ср. еще сс. 298 и 299). Тѣмъ не менѣе, авторъ самъ приводитъ примѣры вышеуказанныхъ разногласій даже отъ самого конца XVIII-го вѣка и нѣсколько ниже замѣчаетъ, что «послѣ небольшого періода сравнительной ясности финансовыхъ документовъ, съ началомъ новыхъ затрудненій увеличиваются опять неясности въ расчетахъ. Опредѣленія дефицитовъ, напримѣръ, всегда содержатъ столько предположеній, столько ограниченій и условій, что почти нѣтъ возможности опредѣлить истинный ихъ размѣръ» (с. 363). Самъ г. Чечулинъ признаетъ, что «детальное изученіе хозяйства каждой отдѣльной коллегіи и каждой отдѣльной губерніи, быть можетъ, доставило бы болѣе точныя свѣдѣнія»; но онъ полагаетъ что «подобное изученіе при настоящемъ изслѣдованіи, не входитъ въ его задачу» и даже, замѣчаетъ, что «въ общемъ находящіяся у насъ цифры даютъ свѣдѣнія достаточныя и вѣрныя» (с. 271); хотя авторъ далѣе и приводитъ два примѣра, когда его расчеты близко подходятъ къ показаніямъ случайно сохранившихся источниковъ, но все же его нѣсколько словъ о «точности» подобнаго рода вычисле-

ній оставляютъ читателя подъ впечатлѣніемъ, что о послѣдней можно будетъ съ достаточною степенью достовѣрности судить развѣ только послѣ «детальнаго изученія хозяйства» важнѣйшихъ въ финансовомъ отношеніи коллегій, если не такого же изслѣдованія хозяйства каждой отдѣльной коллегіи и губерніи.

Впрочемъ, во многихъ случаяхъ г. Чечулинъ самъ готовъ мириться съ неточностью своихъ цифръ; но онъ методически не устанавливаетъ, до какой степени можно допустить ее и не подвергаетъ степени допускаемой имъ ошибки систематическому изслѣдованію: онъ боится «утомить» читателя «подробностями» и проситъ у него «извиненія» за свои «вычисленія и предположенія» (с. 291). Даже общій пріемъ, какого авторъ придерживается, въ отличіе отъ своего предшественника, отбрасывая при подсчетѣ сотни, десятки и единицы, находитъ свою мотивировку лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, да и то не всегда совсѣмъ одинаковую: «эти отступленія въ 1—2%, замѣчаетъ, напримѣръ, авторъ про цифры питейныхъ сборовъ, не казались намъ достаточно важными, чтобы на нихъ останавливаться; по такимъ же соображеніямъ мы приводимъ круглыя цифры въ тысячахъ, отбрасывая рубли до тысячи и копѣйки» (с. 169); «мы не видимъ основанія, пишетъ авторъ нѣсколько ниже, въ однихъ случаяхъ приводить рубли, копейки и даже четверти копейки, когда рядомъ въ другихъ приходится ограничиваться вычисленіями съ ошибкою около 5%» (с. 268). А между тѣмъ, благодаря такому пробѣлу въ методологическихъ изслѣдованіяхъ авторъ или вовсе не выясняетъ основаній, въ силу которыхъ онъ отбрасываетъ, въ своихъ вычисленіяхъ, цифры ниже 1000, или, въ другихъ мѣстахъ, принужденъ безъ мотивировки оговаривать тотъ же пріемъ подсчета примѣнительно къ отдѣльнымъ случаямъ и допускаетъ такимъ образомъ излишнія повторенія (см. напр. сс. 138—139, 199, 217, 250, 256, 585, 297, 300, 314, 323). Итакъ, общій пріемъ упрощенія подсчитываемыхъ имъ цифръ г. Чечулинъ мотивируетъ относительною ихъ неточностью; но онъ методически не выясняетъ тѣхъ ея предѣловъ, съ которыми онъ считаетъ возможнымъ примириться: и въ данномъ случаѣ авторъ довольствуется замѣчаніями относительно отдѣльныхъ подсчетовъ. Такія замѣчанія, однако, не вполнѣ согласованы между собою. Вообще авторъ, повидимому, готовъ признать, что ему приходится «ограничиваться вычисленіями съ ошибкою около 5%» (с. 268), но не смущается и болѣе крупными уклоненіями. Въ одномъ случаѣ онъ, полагаетъ, напримѣръ, что его «свѣдѣнія» «въ общемъ» «достаточныя и вѣрныя», хотя бы ему не удалось устранить неточности и «нѣсколько большія», чѣмъ 5% (с. 271). Далѣе, замѣчая, что имѣющіяся въ его распоряженіи двѣ цифры расходовъ штатсъ-конторы въ 1765 году разнятся одна отъ другой на 9%, онъ думаетъ, что «все же до извѣстной степени [?] на

эти цифры можно опираться» (с. 279—280). Нѣсколько ниже, разсматривая цифры расходовъ остаточныхъ казначействъ на дворъ за 1780-е и 1790-е гг., онъ приходитъ къ заключенію, что «цифры тутъ довольно близки между собою», но въ примѣчаніи указываетъ на то, что онѣ «отличаются отъ средней на + 6%, — 0,3%, + 13% и — 14%». (с. 301; ср. еще с. 309). Такимъ образомъ, въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ г. Чечулинъ устанавливаетъ довольно разнородные предѣлы погрѣшностей въ тѣхъ цифрахъ, надъ которыми ему приходится оперировать, но читателю трудно оріентироваться, что̀ именно разумѣть подъ «неточностями нѣсколько большими» или цифрами «довольно близкими», такъ какъ авторъ нигдѣ методически не устанавливаетъ критеріевъ подобнаго рода оцѣнки. Такія же колебанія замѣтны и въ болѣе частныхъ случаяхъ. Авторъ увѣренъ, напримѣръ, что его «опредѣленія дохода казны отъ канцелярскихъ сборовъ приблизительно вѣрны» на томъ основаніи, что «по всѣмъ, хотя и отрывочнымъ, неполнымъ свѣдѣніямъ мы наблюдаемъ постепенное и довольно равномѣрное повышеніе, повышенія же чрезмѣрныя или пониженія всегда могутъ быть объяснены» (с. 249). Не входя въ разсмотрѣніе этого критерія по существу, и на то, въ какой мѣрѣ онъ можетъ вселить въ насъ «увѣренность» въ правильности такихъ расчетовъ, достаточно замѣтить, что самъ авторъ счелъ нужнымъ черезъ три страницы видоизмѣнить свою формулировку: ссылаясь на «равномѣрное возрастаніе этихъ сборовъ», будто бы свидѣтельствующее, что онъ довольно вѣрно знаетъ суммы, поступившія отъ этихъ доходныхъ статей въ казну, г. Чечулинъ, однако, прибавляетъ: «или точнѣе, что мы знаемъ приблизительно одинаковую часть ихъ» (с. 251).

Далеко не вполнѣ выяснивъ принципы, которыхъ онъ держался въ своихъ вычисленіяхъ и степени приближенности принимаемой имъ при пользованіи цифровыми показаніями XVIII-го вѣка, г. Чечулинъ широко пользуется, однако приближенными выводами и при исчисленіи государственныхъ доходовъ, и, въ особенности, при исчисленіи государственныхъ расходовъ, даже въ теченіе того періода ихъ, относительно котораго данныя, по его мнѣнію, достаточно достовѣрны, т. е. за время съ 1781 по 1796-й годъ. При исчисленіи, напримѣръ, расходовъ на дворъ, онъ изъ 16 цифръ располагаетъ по первому столбцу («изъ доходовъ отдѣльныхъ мѣстъ») — 8, по второму («38,7% изъ суммъ статныхъ казначействъ») — 5, по четвертому («изъ остаточныхъ казначействъ») — 5 цифрами точно извѣстными намъ по документамъ, остальныя цифры опредѣлены «приблизительно»; такъ какъ не всѣ цифровыя показанія, точно извѣстныя намъ по документамъ, совпадаютъ въ тѣхъ же строкахъ, то число приближенныхъ величинъ въ столбцѣ итоговъ оказывается еще большимъ: изъ 16 итоговъ оказывается только два, точно указанныхъ въ источникахъ (с. 304—305). Въ таблицѣ рас-

ходовъ по арміи еще больше приближенныхъ цифръ: правда, изъ 16 цифръ таковыхъ вовсе не оказывается по первому и второму столбцамъ, но остальные столбцы представляютъ такъ мало точно извѣстныхъ показаній, которыя бы совпадали въ одной и той же строкѣ, что всѣ цифры столбца итоговъ оказываются приближенными. Таблица расходовъ на внутреннее управленіе почти вся составлена на основаніи вычисленій самого автора (с. 309), разумѣется, приближенныхъ, и т. д.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что и система обозначеній, которой г. Чечулинъ придерживается въ вышеуказанныхъ таблицахъ, сама не отличается выдержанностью. Нельзя не замѣтить, напримѣръ, что, пользуясь упрощенными цифрами, авторъ не придерживается одного и того же способа ихъ обозначенія: то онъ приводитъ ихъ «въ тысячахъ», то къ каждой цифрѣ «въ тысячахъ» приписываетъ по три нуля, соединяя такимъ образомъ въ одномъ и томъ же обозначеніи реальное значеніе цифроваго показанія въ тысячахъ съ фиктивнымъ его значеніемъ въ сотняхъ, десяткахъ и единицахъ. Далѣе, въ таблицѣ расходовъ на дворъ обозначая всѣ цифры, точно извѣстныя намъ изъ документовъ, курсивомъ, авторъ въ слѣдующей же таблицѣ расходовъ на армію отступаетъ отъ этого пріема: онъ не отмѣчаетъ курсивомъ цифры перваго и второго столбцовъ, хотя онѣ «извѣстны намъ точно», на что самъ онъ указываетъ въ текстѣ (с. 308), но въ той же таблицѣ другія цифры, тоже, повидимому, «извѣстныя намъ точно», онъ продолжаетъ обозначать курсивомъ. Въ таблицѣ расходовъ на флотъ оба пріема обозначенія смѣшиваются въ другомъ отношеніи: самъ авторъ сообщаетъ, что эта таблица составлена изъ «точныхъ цифръ», т. е., надо думать, изъ цифръ, точно извѣстныхъ намъ изъ подлинныхъ документовъ, за исключеніемъ только рубрики остаточныхъ казначействъ: для опредѣленія выдачъ мы имѣемъ пять «точныхъ» цифръ — за 1785, 1786, 1788, 1792 и 1793 годы; слѣдовательно, съ такой точки зрѣнія можно было бы ожидать, что въ столбцѣ итоговъ, только пять изъ нихъ окажутся составленными на основаніи точно извѣстныхъ намъ цифровыхъ показаній документовъ и, значитъ, только пять цифръ будутъ, согласно принятому авторомъ пріему обозначенія, набраны курсивомъ; между тѣмъ въ столбцѣ итоговъ разбираемой таблицы ни одна цифра не набрана курсивомъ (с. 308); всѣ набраны однимъ и тѣмъ же шрифтомъ, хотя, очевидно, имѣютъ разное значеніе: однѣ извѣстны намъ по показаніямъ источниковъ, другія добыты лишь путемъ приближенныхъ вычисленій самого автора. Такія колебанія въ способахъ обозначенія легко могутъ ввести читателя въ недоразумѣнія, тѣмъ болѣе что самъ авторъ иногда называетъ «точными цифрами» такія, которыя извѣстны изслѣдователю изъ источниковъ, хотя онѣ и не отличаются «абсолютною точностью», и даже самая степень ихъ относительной точности не установлена.

III.

Свое изслѣдованіе г. Чечулинъ начинаетъ съ очерка «высшаго управленія финансами въ Россіи XVIII вѣка». Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о возникновеніи коллегій, авторъ переходитъ къ исторіи каммеръ-коллегіи и ея регламентовъ. Впрочемъ, изложивъ содержаніе регламента 1719 года, онъ не останавливается на выясненіи отношеній между сенатомъ и каммеръ-коллегіей [1]), и даже не упоминаетъ о регламентѣ штатсъ-конторы, несмотря на то, что само законодательство установило между ними довольно тѣсную связь и финансовыя функціи ихъ взаимно дополняли другъ друга: «чинъ каммеръ-коллегіи, по словамъ регламента штатсъ-конторы, есть о исправномъ платежѣ доходовъ и о наполненіи рентереи стараться; яко же, противъ того, штатсъ-конторъ-коллегіи должность въ томъ состоитъ, что бы изъ казны исправно и по указамъ и окладнымъ государственнымъ книгамъ расходъ былъ держанъ» [2]). Устройство провинціальныхъ органовъ управленія, завѣдывавшихъ и финансами, также лишь слегка затронуто г. Чечулинымъ; онъ не даетъ яснаго понятія о томъ, въ какихъ отношеніяхъ каммеръ-коллегія стояла, въ силу извѣстныхъ регламентовъ 1719 года, къ губернаторамъ и воеводамъ, къ ландратамъ, земскимъ коммисарамъ и земскимъ камерирамъ, или объ отношеніяхъ штатсъ-конторы къ послѣднимъ; онъ не отмѣчаетъ даже того заключенія, которымъ инструкція земскимъ камерирамъ заканчивается: царь «полную власть» каммеръ-коллегіи «опредѣлилъ, что бы впредь къ тому приложить или поправлять, что оное къ службѣ и интересу его величества [она] за потребно обрящетъ» [3]).

Впрочемъ, г. Чечулинъ подробнѣе излагаетъ послѣдующую исторію коллежскаго управленія (сс. 11—26); авторъ останавливается на немъ для того, что бы объяснить появленіе второго регламента каммеръ-коллегіи 1731 г. и характеръ ея дѣятельности. Справедливо замѣчая, что регламентъ 1731 года значительно ограничилъ задачи, возложенныя на каммеръ-коллегію, и въ числѣ ихъ ужъ болѣе не упоминаетъ о «правленіи доходами», авторъ придаетъ ему большое значеніе для послѣдующей исторіи каммеръ-коллегіи: регламентъ 1731 года «знаменуетъ собою отказъ правительства отъ мысли организовать высшее управленіе финансами въ видѣ самостоятельнаго учрежденія» (с. 30). Съ изданіемъ регламента 1731 года коллегія «потеряла свой главный предметъ» и послѣ этого «никакое систематическое воображеніе не могло служить руководствомъ, а все распоряжалось по случайнымъ и ежедневно премѣняющимся приключеніямъ».

1) П. С. З., т. V, № 3466, п. 7.
2) П. С. З., т. V, № 3303, п. 18.
3) П. С. З., т. V, № 3296.

Нельзя не замѣтить, однако, что современники все же указывали на довольно широкій кругъ вѣдомства каммеръ-коллегіи. Проектъ «о судѣ», сохранившійся въ дѣлахъ, которыя относятся къ извѣстной коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ, «какія дѣла надлежатъ до каммеръ-коллегіи». «Каморъ-коллегія и кантора... вѣдаютъ зборъ и расположеніе штатскихъ денежныхъ доходовъ, въ томъ числѣ и сибирской губерніи; употребленіе оныхъ въ росходъ чинится по опредѣленіямъ сея коллегіи какъ въ санктпетербургской и московской рентереяхъ, такъ въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ: она жъ вѣдаетъ положенный зборъ на расколниковъ, такожъ принадлежавшіе до бывшаго сибирскаго приказу денежные зборы; производитъ продажу сибирскаго каравана и другихъ сибирскихъ товаровъ; имѣетъ зборъ остаточной въ ко[л]легіяхъ, канцеляріяхъ и канторахъ за расходами денежной казны, которая прежде собираема была въ бывшей канцеляріи генерала Волкова, токмо оныхъ денегъ безъ именныхъ... указовъ въ росходъ не употребляетъ; отдаетъ на откупъ питейные зборы и въ томъ заключаетъ договоры, а гдѣ откупщиковъ нѣтъ, полагаетъ оные на вѣрныхъ зборщиковъ; судитъ откупщиковъ питейныхъ въ принесенныхъ на нихъ жалобахъ, а въ прочихъ городахъ и уѣздахъ надъ откупщиками судъ безъ из[ъ]ятія производится отъ губернаторовъ и воеводъ, а по купеческому обязанію въ магистратахъ тѣхъ мѣстъ. Къ сей же коллегіи и канторѣ надлежитъ заключеніе договоровъ съ подрядчиками о поставкѣ вина, зборъ съ рыбныхъ ловель и съ оброчныхъ мел[ь]ницъ. Она же даетъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ на уѣздныя подводы подорожныя. Въ вѣдомствѣ ея состоитъ содержаніе на рѣкахъ мостовъ и въ томъ имѣетъ она надъ губернаторами и воеводами смотреніе и чинитъ на нихъ взысканіе; такожъ по благоразсужденію своему поручаетъ губернскимъ провинціал[ь]нымъ и воеводскимъ канцеляріямъ или одному изъ засѣдающихъ въ тѣхъ канцеляріяхъ члену смотреніе имѣть надъ всѣми питейными домами, чтобъ питья продаваны были вѣрными мѣрами, а особливо чтобъ въ вино воды не было мѣшано, такъ же и тѣхъ слѣдовать, кто кормчествовать будетъ; и по всѣмъ вышеписаннымъ дѣламъ переносные принимаетъ челобитные. Въ прочемъ во всемъ поступать должна по особливо данному ей уставу»[1]).

Въ числѣ обстоятельствъ, повліявшихъ на дальнѣйшую судьбу каммеръ-коллегіи, авторъ, со словъ императрицы Екатерины II, указываетъ и на «нѣкоторыя неуваженія отъ высшаго къ ней правительства и отъ того вкорененную въ присутствующихъ робость»; «исполняя только одни насылаемые къ нимъ указы», они «не смѣютъ и не имѣютъ времени мыслить о пріобрѣ-

1) Гос. Арх., X, 15, ч. 3, л. 378 об. — 379. Глава первая проекта озаглавлена: «о разныхъ въ нашемъ государствѣ правительствахъ и какія до котораго правительства дѣла надлежатъ». На рукописи значится: «изъ бумагъ Козицкаго».

тенiи способовъ къ достиженію тѣхъ намѣреній, кои въ регламентѣ изображены»; они занимаются только текущими дѣлами и особенно дѣлами состоящей при коллегіи акцизной конторы» (с. 37); но авторъ не старается ни провѣрить такого объясненія, ни развить его [1]). Въ слѣдующей главѣ онъ, главнымъ образомъ, характеризуетъ спеціализацію государственныхъ доходовъ; объясняя вызвавшія её причины (введеніе новыхъ налоговъ, спеціально назначаемыхъ для покрытія возникавшихъ расходовъ, особенности нашего денежнаго обращенія и состояніе нашихъ путей сообщенія), авторъ слишкомъ мало останавливается на разсмотрѣніи подобнаго рода процесса въ качествѣ причины, въ значительной мѣрѣ препятствовавшей развитію каммеръ-коллегіи въ центральное финансовое учрежденіе.

Съ той же точки зрѣнія г. Чечулину слѣдовало обратить вниманіе и на реформы императрицы Екатерины II. Едва ли знакомая съ давно уже высказанной въ одномъ старинномъ проектѣ мыслью объ учрежденіи особой должности «казначея государственнаго» [2]), она, въ извѣстномъ указѣ 1764 года, разсуждала лишь о томъ, что каммеръ-коллегія «не что иное есть, какъ мѣсто общественнаго въ имперіи хозяйства» и, повидимому, въ то время считала возможнымъ расширить и поднять ея значеніе; вскорѣ, однако сама она перенесла функціи высшаго финансоваго управленія на генералъ-прокурора. Такой процессъ, однако, совершался постепенно. Извѣстно, напримѣръ, что въ началѣ царствованія Екатерины II «могущественное лицо генералъ прокурора еще заслонялось первымъ департаментомъ сената»; въ силу манифеста отъ 15 Декабря 1763 года въ немъ повелѣно было «быть» между прочимъ слѣдующимъ дѣламъ: «полныя свѣдѣнія о всѣхъ приходахъ и расходахъ», а также дѣла «по каммеръ съ корчемными, по ревизіонъ—коллегіямъ, по штатсъ и соляной конторамъ и по банковымъ конторамъ для дворянства и купечества» [3]). Сама императрица въ одной изъ своихъ замѣтокъ писала, что «сената четвертый департаментъ имѣетъ бденіе дабы налоги безъ государственной нужды и надобности не налагались» [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ видимо желая освободить коллегіи отъ черезмѣрнаго давленія сената императрица поручила каммеръ-коллегію кн. Б. А. Куракину и повелѣла ему «обо всемъ, что онъ къ поправленію сего нужнаго мѣста за благо разсудитъ, представлять намъ самимъ, на собственное наше разсмотрѣніе и конфирма-

1) С. Р. И. О., т. VII, с. 347; въ своемъ «секретнѣйшемъ наставленіи» генералъ-прокурору императрица почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ вообще объ отношеніи сената къ «прочимъ судебнымъ мѣстамъ» и о «раболѣпствѣ персонъ», находящихся въ «нижнихъ мѣстахъ».

2) В. Строевъ, Бироновщина и Кабинетъ министровъ, ч. I, М., 1909 г., с. 86; авторъ относитъ составленіе проекта къ началу царствованія императрицы Анны Ивановны.

3) П. С. З., т. XVI, № 11989, п. 1.

4) Гос. Арх., X, 17, л. 217 об.

цію», впрочемъ «оставляя ту же коллегію на прежнемъ основаніи ея учрежденія подъ вѣдѣніемъ... сената»; въ то же время кн. Б. А. Куракинъ оставался президентомъ коллетіи экономіи и «обо всемъ, что до доклада по оной коллегіи касается, по прежнему также докладывалъ государынѣ»[1]). Такимъ образомъ, въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II кн. А. А. Вяземскій еще не игралъ той роли, какую онъ получилъ впослѣдствіи, когда финансовая администрація сосредоточилась въ его рукахъ и почти совершенно отдѣлилась отъ сената, а каммеръ-коллегія окончательно утратила свое значеніе. Уже кн. Я. П. Шаховской указыалъ, однако, на широкіл предѣлы своей дѣятельности: генералъ-прокуроръ, по его словамъ, монаршимъ глазомъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ названъ и не только, что въ сенатѣ дѣлами и канцелярскими служителями управлять, но и во всѣхъ коллегіяхъ и губерніяхъ прокуроровъ имѣя, о вѣдомствѣ своемъ всегда наставленія и подтвержденія ко успѣху ихъ дѣлъ посылаетъ. И неотмѣнно долженъ генералъ-прокуроръ всѣ важныя государственныя дѣла знать, помнить и неусыпно всегда стараться полезныя въ дѣйствіе, а вредныя въ истребленіе какъ наискорѣе приводить...[2]). Въ своемъ секретнѣйшемъ наставленіи кн. А. А. Вяземскому въ 1764 году сама императрица уже требовала, чтобы генералъ-прокуроръ въ числѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣлъ входившихъ въ его вѣдомство вникалъ и въ дѣла, касающіяся «умноженія циркуляціи денегъ», а также изыскивалъ способы къ облегченію народному по части соляныхъ и питейныхъ сборовъ, т. е. къ реформѣ «того основанія, на какомъ они тогда находились»[3]). Естественно, что при той «неограниченной довѣренности», которой кн. А. А. Вяземскій пользовался со стороны императрицы[4]), и все расширявшейся его финансовой дѣятельности, каммеръ-коллегія не могла пріобрѣсти самостоятельнаго значенія: до установленія особой должности государственнаго казначея исполненіе его обязанностей было въ то время возложено на генералъ-прокурора, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ финансовое управленіе и по многимъ другимъ дѣламъ. Значеніе каммеръ-коллегіи окончательно пало со времени губернской реформы 1775 года. Вскорѣ «экспедиція государственныхъ доходовъ» получила болѣе широкое развитіе, а казенная палата каждой губерніи стала ничѣмъ инымъ, какъ «соединеннымъ департаментомъ каммеръ и ревизіонъ коллегіи», съ тѣмъ только отличіемъ отъ каммеръ-коллегіи, что казенная палата вѣдала до-

1) П. С. З., т. XVI, № 12118.

2) Гос. Арх., XI, 789: Прошеніе кн. Я. Шаховского объ увольненіи его отъ дожности генералъ-прокурора (1761 г. октября 13).

3) Гос. Арх., X, 10. С. Р. И. О., т. VII, сс. 347 и 348.

4) М. Лонгиновъ, Неизданные матеріалы для исторіи царствованія Екатерины Великой въ Библ. Зап. 1858 г., т. I, с. 537; о дружескихъ отношеніяхъ между кн. А. А. Вяземскимъ и кн. Г. А. Потемкинымъ см. Арх. кн. Воронцова, т. IX, с. 118.

мостроительныя и казенныя дѣла» (въ широмъ смыслѣ), но «никого не судила» [1]). Послѣ такой реформы каммеръ-коллегіи, очевидно оставалось только ликвидировать свои дѣла: 1-го января 1785 г. она «окончила свое существованіе». Вслѣдъ затѣмъ очередь наступила и для ревизіонъ-коллегіи: указомъ отъ 23 февраля 1788 года въ ней велѣно было оставить одинъ департаментъ «для окончанія счетовъ и дѣлъ» [2]).

Г. Чечулинъ слишкомъ мало выясняетъ значеніе вышеуказанныхъ реформъ въ качествѣ обстоятельствъ, повліявшихъ на окончательное паденіе прежней системы финансоваго управленія; вмѣстѣ съ тѣмъ, удѣливши сравнительно много мѣста исторіи каммеръ-коллегіи (с. 1—78), онъ даже вовсе не входитъ въ разсмотрѣніе функцій и дѣятельности генералъ-прокурора, хотя самъ мимоходомъ замѣчаетъ, что центральное управленіе финансами теперь все болѣе и болѣе сосредоточивается въ рукахъ одного лица; онъ лишь вкратцѣ обозрѣваетъ реформы 1773 — 1781 годовъ (сс. 78 — 88) и не изучаетъ вышеуказаннаго процесса, замѣтно усилившагося послѣ реформы [3]). Авторъ, правда, въ общихъ чертахъ даетъ понятіе о расширенной въ 1779 — 1781 гг. дѣятельности экспедиціи о государственныхъ доходахъ, въ сущности бывшей своего рода канцеляріей генералъ-прокурора по финансовымъ дѣламъ, и, по памятникамъ законодательства, даетъ довольно бѣглую характеристику казенныхъ палатъ; но онъ не входитъ въ изученіе ихъ дѣятельности и подчиненныхъ имъ органовъ, «вѣдавшихъ спеціально и только дѣла финансоваго управленія и государственнаго хозяйства».

Слишкомъ мало выяснивъ генезисъ финансовой реформы 1773—1781 гг. и ея значеніе, г. Чечулинъ едва ли обратилъ достаточно вниманія и на ея связь съ послѣдующей исторіей нашего финансоваго управленія. Авторъ сообщаетъ, напримѣръ, что «должность государственнаго казначея», была «учреждена» лишь при императорѣ Павлѣ I, ровно черезъ мѣсяцъ по вступленіи его на престолъ (с. 89). Не говоря о томъ, что самъ авторъ выше упоминалъ объ «опредѣленіи должности государственнаго казначея», находящемся въ извѣстномъ указѣ отъ 24 октября 1780 года (с. 80), ему не мѣшало припомнить, что уже императрица Екатерина II думала вос-

1) Учрежд. о губ., ст. 118.

2) Гос. Арх., XVI, 168, кар. 29, лл. 588—590.

3) А. Градовскій, Высшая администрація и генералъ-прокуроры, Спб. 1866 г., с. 217—219, 238—255; уже Градовскій замѣтилъ, что вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ постепенно «образуется около императрицы группа людей, имѣющихъ свои отдѣльныя вѣдомства... и раздѣляющихъ съ нимъ право доклада» (с. 253); такое усиленіе министерскаго начала, конечно, должно было понижать значеніе собственно генералъ-прокурора; но за время жизни кн. А. А. Вяземскаго оно едва ли отразилось на исполненіи имъ обязанностей министра финансовъ; впрочемъ, при назначеніи А. Н. Самойлова на должность генералъ прокурора, казначейскія экспедиціи и ассигнаціонный банкъ остались безъ назначенія.

пользоваться болѣзнью кн. А. А. Вяземскаго для того, чтобы раздѣлить его должности между четырьмя лицами, и за нѣсколько времени до подачи имъ прошенія о полной отставкѣ [1]), дѣйствительно распредѣлила должности, «имъ занимаемыя»; въ томъ числѣ она предполагала назначить въ генералъ-прокуроры — А. Н. Самойлова, а въ государственные казначеи генералъ-кригсъ-коммисара М. С. Потемкина; но послѣдній умеръ до его назначенія на новую должность, а тѣмъ временемъ императрица убѣдилась, что новый генералъ-прокуроръ «часъ отъ часу становится больше по рукѣ», что «съ прежнимъ у него равное усердіе, но нынѣшній умнѣе» [2]); естественно, что, при такихъ условіяхъ, она оставила за нимъ и отправленіе обязанностей государственнаго казначея; лишь въ силу указа 6-го декабря 1796 года баронъ А. И. Васильевъ, состоявшій долгое время правителемъ канцеляріи покойнаго кн. А. А. Вяземскаго, былъ «опредѣленъ государственнымъ казначеемъ» [3]).

Другой процессъ въ исторіи нашихъ финансовъ за время царствованія императрицы Екатерины II также сближалъ ихъ съ послѣдующимъ ихъ развитіемъ. Уже предшественникъ г. Чечулина замѣтилъ, что «въ табеляхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ съ 1788 года гораздо болѣе единства и большая часть доходовъ, находившихся прежде въ распоряженіи особыхъ вѣдомствъ, вошли въ общую массу государственныхъ рессурсовъ; расходы же тѣхъ вѣдомствъ удовлетворялись уже изъ статныхъ или же изъ остаточныхъ казначействъ» [4]). Г. Чечулинъ не остановился, однако, на провѣркѣ этого вывода и не попытался выяснить, въ какой мѣрѣ спеціализація государственныхъ доходовъ стала уступать нѣкоторому единству и насколько оно оказывало вліяніе на государственные расходы.

---

1) Гос. Арх., X, 487, ч. 1. Въ своемъ прошеніи князь А. А. Вяземскій писалъ слѣдующее: «Всемилостивѣйшая Государыня! Прости дерзновеніе, что осмѣливаюсь безпокоить всенижайшею моею просьбою объ освобожденіи меня отъ должностей моихъ. Сколько ни силился я себя принуждать, но болѣзнь безпрерывно продолжающаяся и изнурившая до послѣдней почти крайности, привела меня наконецъ въ такое изнеможеніе, что не только о какомъ либо дѣлѣ мыслить, ниже имяни своего подписывать не въ силахъ и ко успокоенію моему осталось единое только средство, что бы, бывъ удалену отъ всякихъ и малѣйшихъ работъ, препровождать жизнь въ тишинѣ, пользуясь иногда переѣздами изъ мѣста въ мѣсто и перемѣною воздуха. Всемилостивѣйшая Государыня, ты творецъ всего моего бытія, яви и въ семъ послѣднемъ случаѣ свою милость, уволи меня отъ всѣхъ моихъ должностей и службы, да спокойно окончу остатокъ дней моихъ. Вѣрный подданный: Князь (sic) А. Вяземской. Іюля 17—1792 г.». Подпись сдѣлана совершенно дрожащей рукой.

2) А. Храповицкій, Дневникъ, изд. Н. Барсукова, с. 322, 396, 427; ср. с. 404 и 405; изъ Дневника видно, что мысль о «раздѣленіи должностей генералъ-прокурора» занимала императрицу уже въ январѣ 1790-го года и что она продолжала интересоваться ею въ іюлѣ 1792 года.

3) П. С. З., т. XXIV, № 17609. Русск. Стар., т. XXIX (1880 г.), с. 816. А. И. Васильевъ вслѣдъ за тѣмъ былъ назначенъ и министромъ финансовъ.

4) А. Куломзинъ, Госуд. доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II въ С. Р. И. О., т. V, с. 222.

Такимъ образомъ, въ своемъ очеркѣ, озаглавленномъ: «высшее управленіе финансами въ Россіи XVIII-го вѣка», г. Чечулинъ не столько изучаетъ историческій генезисъ той системы финансоваго управленія, которая слагалась въ избранный имъ періодъ времени, сколько даетъ обозрѣніе главнѣйшихъ органовъ «высшаго управленія финансами», постепенно смѣнявшихъ другъ друга.

Съ аналогичной точки зрѣнія г. Чечулинъ изучаетъ также государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II. Выше я уже замѣтилъ, что авторъ останавливается преимущественно на изслѣдованіи государственныхъ доходовъ, а не расходовъ, такъ какъ «подробное разсмотрѣніе способовъ употребленія государственныхъ доходовъ должно входить ближайшимъ образомъ уже въ исторію тѣхъ отраслей управленія, на потребности (sic) которыхъ эти расходы производились» (с. 263, 266—267); но, не говоря о томъ, что, въ государственномъ хозяйствѣ, необходимость извѣстныхъ расходовъ заставляетъ государство обращаться къ изысканію потребныхъ для того источниковъ доходовъ и прибѣгать даже къ займамъ, принципъ спеціализаціи государственныхъ доходовъ, широко практикуемый въ то время, казалось бы, долженъ былъ также приводить къ болѣе детальному изученію государственныхъ расходовъ: вѣдь новые налоги, согласно принципу спеціализаціи, вводились для удовлетворенія данной, спеціальной потребности государственной жизни, о значеніи которой можно было бы судить по такому именно изслѣдованію.

Въ принятой имъ группировкѣ государственныхъ доходовъ и расходовъ г. Чечулинъ исходитъ, конечно, изъ естественнаго желанія подвести подъ какія либо общія категоріи многіе отдѣльные сборы, упоминаемые въ современныхъ окладныхъ книгахъ, но слишкомъ мало останавливается на выясненіи стариннаго ихъ соотношенія, его принциповъ и результатовъ: онъ довольствуется тѣмъ, что называетъ такой порядокъ за первые годы царствованія «совершенно произвольнымъ» (стр. 108—110). Между тѣмъ группировка, принятая въ вѣдомостяхъ 1763—1768 и 1770—1773 гг. (относительно 1769 года пока свѣдѣній не разыскано), конечно, иная, чѣмъ та, которой придерживались при составленіи вѣдомостей 1781-го и слѣдующихъ годовъ, «болѣе единообразно и стройно составленныхъ», а росписи за послѣдніе два года изучаемаго періода представляютъ дальнѣйшее улучшеніе. Такія перемѣны заслуживали бы болѣе внимательнаго изученія хотя бы для того, чтобы выяснить вышеуказанный процессъ водворенія нѣсколько большаго единства въ государственной росписи.

«Главную часть, основу русскаго бюджета доходовъ въ XVIII вѣкѣ, по словамъ г. Чечулина, составляли: подушная подать съ лицъ податного состоянія и нѣсколько особыхъ сборовъ, платившихся нѣкоторыми группами

лицъ того же состоянія и тоже исчислявшихся по душамъ» (с. 111); а потому авторъ нѣсколько останавливается на обозрѣніи исторіи подушной подати въ теченіе XVIII-го вѣка. Г. Чечулинъ начинаетъ свой обзоръ съ характеристики «организаціи большинства поборовъ въ XVI—XVII вв.», взимаемыхъ съ сохъ, а затѣмъ съ живущихъ четей и съ дворовъ, но, кажется, не даетъ въ немъ ничего новаго: онъ знакомитъ читателя съ прежней системой обложенія лишь въ самыхъ «общихъ чертахъ» и въ популярномъ изложеніи старается указать на причины, вызвавшія реформу прямого обложенія. Съ бо̀льшимъ вниманіемъ авторъ относится къ тѣмъ изъ ея сторонъ, которыя связываютъ ее съ «Екатерининскимъ временемъ», спеціально его интересующимъ, а потому и выясняетъ, какіе слои населенія были привлечены «къ уплатѣ подушной» (сс. 117—118), какіе еще поборы были присоединены къ ней (сс. 118—129), какъ они «разлагались» и собирались (сс. 130—137), а также какія средства доставляли эти сборы казнѣ (сс. 137—145) и, наконецъ, какое значеніе имѣли они для населенія (сс. 145—152).

Такимъ образомъ, г. Чечулинъ вовсе не останавливается на выясненіи самого понятія объ основной единицѣ обложенія, ревизской душѣ и на томъ, какимъ образомъ и насколько оно установилось. «Подушная подать, писалъ, напримѣръ А. Н. Радищевъ гр. А. Р. Воронцову, въ Россіи почти всюду имѣетъ значеніе поземельной подати, тогда какъ здѣсь (въ Сибири) она оказывается настоящимъ личнымъ налогомъ»[1]). Такое замѣчаніе заслуживало бы провѣрки и, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что подушнымъ сборамъ не всюду придавали одинаковое значеніе.

Г. Чечулинъ не подвергаетъ его изслѣдованію, а прямо переходитъ къ перечисленію тѣхъ классовъ населенія, которые «въ концѣ концовъ были внесены въ ревизскія сказки». Въ числѣ этихъ классовъ слѣдовало упомянуть о купечествѣ (до 1775 г. не отличаемомъ отъ другихъ классовъ, плативщихъ подушныя деньги), но авторъ говоритъ только о «посадскихъ»; въ 1760-хъ годахъ сенатъ въ сущности исчислялъ особо «цеховыхъ», не упоминая о болѣе мелкихъ группахъ, напримѣръ объ оренбургскихъ торговыхъ татарахъ, которые платили сорокаалтынный окладъ, да сверхъ того шестигривенныя деньги съ души за освобожденіе отъ рекрутской повинности. Составъ податныхъ классовъ сельскаго населенія, плативщихъ подушныя и присоединенныя къ нимъ деньги, также памѣченъ авторомъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ причемъ нѣкоторыя перемѣны происшедшія въ немъ, остались не указанными; вмѣстѣ съ тѣмъ можно было бы составить списокъ тѣхъ «душъ» разныхъ разрядовъ населенія, которыя еще «не были положены въ окладъ», напримѣръ «обѣльныхъ по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ крестьянъ», ямщи-

1) А. Радищевъ, Письмо гр. А. Воронцову въ Арх. кн. Воронцова, т. V, с. 323.

ковъ, «разныхъ націй людей» и т. п.; но авторъ не пытается установить такого списка.

Съ нѣсколько большимъ вниманіемъ г. Чечулинъ перечисляетъ сборы, которые постепенно присоединялись къ подушной подати, и повышенія оклада, падавшаго на ревизскую душу, но не вдается въ изученіе причинъ, вызывавшихъ такое повышеніе, и его послѣдствій, а ограничивается, главнымъ образомъ, пересказомъ важнѣйшихъ указовъ, устанавливавшихъ оклады подушнаго сбора; таблица на сс. 122—123 даетъ наглядное представленіе о постепенномъ ихъ возрастаніи. Между тѣмъ, нельзя, конечно, понять его, не принявши во вниманіе мотивовъ, которыми руководствовалось правительство при повышеніи сборовъ. Въ качествѣ примѣра я укажу хотя бы на докладъ о «преумноженіи государственныхъ доходовъ», подписанный кн. А. Вяземскимъ, гр. А. Шуваловымъ, гр. А. Воронцовымъ и А. Безбородко въ апрѣлѣ 1783 года. Составители доклада слѣдующимъ образомъ мотивировали повышеніе подушнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ на 1 рубль съ ревизской души: «Поселяне, въ вѣдомствѣ директоровъ экономіи и подъ судами верхнихъ и нижнихъ расправъ состоящіе, извѣстные подъ названіемъ государственныхъ, экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ и тому подобныхъ, въ статьѣ 335-ой учрежденій объ управленіи губерній именованныхъ, сверхъ общаго семигривеннаго подушнаго сбора всегда обложены были помѣщичьимъ оброкомъ, сообразно съ таковымъ въ имѣніяхъ частныхъ людей. Въ такомъ точно видѣ при благополучномъ и славномъ царствованіи вашего императорскаго величества учинена на государственныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ прибавка по рублю на душу. Помощію Божіею и неусыпнымъ попеченіемъ вашимъ, о добрѣ народномъ общее изобиліе Россійскаго государства толь далеко возведено, что нынѣшнее народное богатство не противъ прежнихъ царствованій, но и противу первыхъ лѣтъ обладанія вашего императорскаго величества вдвое или трое превышаетъ. Въ 1762 и 1763 годахъ цѣна деревнямъ самая извѣстная почиталася по 30 рублей за душу, такъ что многіе, отъ щедроты вашего императорскаго величества такового воздаянія удостоенные, цѣну сію предпочли и самымъ деревнямъ; но въ нынѣшнія времена менѣе 70 и до 100 рублей ни одна россійская деревня куплена быть не можетъ, не упоминая о разныхъ мѣстахъ, гдѣ цѣна недвижимыхъ имѣній съ крестьянами и гораздо еще далѣе возвысилася. Сверхъ того коликія вашимъ императорскимъ величествомъ приложены старанія къ доставленію выгодъ крестьянамъ вѣдомства казеннаго и къ предохраненію ихъ отъ всего, что подъ видомъ казенной пользы обращается къ ихъ отягощенію. Тѣ изъ нихъ кои землями были недостаточны, обильно снабдѣны изъ порожжихъ казенныхъ; отверсты имъ къ заселенію во многихъ южныхъ краяхъ Россіи обширныя и плодо-

носныя поля и теперь только зависитъ отъ генераловъ-губернаторовъ, чтобы они поспѣшили обстоятельнымъ донесеніемъ о селеніяхъ, землями скудныхъ, дабы недостатокъ сей награжденъ быть могъ. Охранены они нынѣшнимъ образомъ управленія отъ всякихъ угнетеній, имѣя въ директорѣ домоводства попечителя о добрѣ и устройствѣ ихъ, и собственныхъ своихъ судьей, изъ среды собратій ихъ въ нижнія и верхнія расправы и въ совѣстные суды избираемыхъ. Не однѣ нужды государственныя убѣждаютъ помышлять о приращеніи доходовъ возвышеніемъ оброка помѣщичьяго на крестьянъ вѣдомства казеннаго. Сравнивая состояніе ихъ съ помѣ[щи]чьими крестьянами, изъ такового неравенства происходили многіе непорядки, непослушаніе сихъ послѣднихъ господамъ своимъ и разныя своевольства въ чаяніи чрезъ то здѣлаться дворцовыми или другого званія казенными крестьянами. Равнымъ образомъ, не меньше и самые казеннаго вѣдомства крестьяне, пользуясь толь безмѣрною малостью оброка и находя къ платежу онаго самые легчайшіе способы, обращаются въ праздности и небрегутъ о земледѣліи и прочемъ хозяйствѣ, поселянамъ свойственномъ. — По всѣмъ симъ уваженіямъ, вѣдая, что помѣщичей оброкъ или доходъ всемѣстно до четырехъ рублей съ души простирается, большею же частью и гораздо сіе количество превосходитъ, и основываяся на правилѣ неоспоримомъ, что крайняя легкость податей столько же служитъ поводомъ къ лѣнности, колико безмѣрная тягость отъемлетъ бодрость и охоту къ трудолюбію и что сразмѣрная дань есть наилучшее побужденіе распространять и свой достатокъ, мы съ совершеннымъ убѣжденіемъ въ совѣсти нашей полагаемъ мнѣніе наше, что справедливо, полезно и ни мало для народа не отяготительно есть обложить всѣхъ поселянъ, въ вѣдомствѣ директора домоводства и верхнихъ и нижнихъ расправъ счисляющихся, казеннымъ оброкомъ по три рубля на годъ съ каждой души мужеска полу впредь до указа вмѣсто платимаго ими двурублеваго оклада; исключаются однакожъ изъ сего положенія ямщики, кои долженствуютъ остаться на прежнемъ основаніи, покуда о почтахъ въ имперіи [не] послѣдуетъ новое распоряженіе»[1]). Такая мотивировка почти вовсе не была включена въ извѣстный указъ отъ 3 мая 1783 года; ни ссылокъ на преимущества, дарованныя государственнымъ крестьянамъ (но не крѣпостнымъ) учрежденіемъ о губерніяхъ, ни опасенія крестьянскихъ волненій въ немъ не высказаны. Экономическіе, финансовые и политическіе мотивы указа 3 мая

1) Гос. Арх., XVI, 168, кар. 15, лл. 193—196; указъ, согласно докладу данный отъ 3 мая 1783 г., см. въ П. С. З., т. XXI, № 15723. Вмѣстѣ съ тѣмъ составители доклада предлагали сравнять однодворцевъ (наравнѣ съ остальными государственными крестьянами подлежавшихъ обложенію трехрублевымъ сборомъ) съ другими поселянами казеннаго вѣдомства въ дачѣ рекрутъ, а за тѣми однодворцами, коимъ пожаловано право возвращаться въ свои дома по истеченіи пятнадцатилѣтней службы, оставить это право въ неотъемлемое пользованіе.

заслуживали бы внимательнаго изученія; а между тѣмъ г. Чечулинъ ограничивается замѣчаніемъ: «3-го мая 1783 года данъ былъ цѣлый рядъ указовъ, касавшихся разныхъ видовъ государственныхъ доходовъ; въ числѣ ихъ однимъ повышенъ оброкъ со всѣхъ государственныхъ крестьянъ съ 2 рублей до 3 рублей съ души» (с. 127); онъ даже не приводитъ оговорки относительно однодворцевъ и ямщиковъ, сдѣланной также и въ самомъ указѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ въ самыхъ общихъ чертахъ описываетъ порядокъ раскладки и взиманія подушной подати.

Больше интереса представляютъ выводы г. Чечулина относительно средствъ, доставляемыхъ подушными сборами казнѣ; они также сгруппированы авторомъ въ особой таблицѣ на сс. 138 — 139. Къ сожалѣнію, пользованіе ею затрудняется тѣмъ, что авторъ сообщаетъ въ ней только окончательные свои выводы, не указывая какимъ образомъ онъ добылъ ихъ. Въ 1773-мъ году, напримѣръ, въ графѣ экономичнскихъ сборовъ авторъ насчитываетъ ихъ (въ тысячахъ) 1.569 т. рубл.; но въ подробной вѣдомости такой цифры не имѣется; тамъ значится только, что съ монастырскихъ крестьянъ (считая по 1 рубл. 50 коп.) и съ малороссіянъ, а также новоположенныхъ съ нихъ (2-хъ рублеваго оклада) собрано 2.049 т. рубл.; да съ монастырскихъ неокладныхъ, т. е. съ оброчныхъ статей 30 т. рубл. Руководствуясь данными вѣдомости 1772 года, въ которой «новоположенные» сборы означены отдѣльно въ размѣрѣ 510 т. рубл., авторъ получилъ проставленную имъ сумму экономическихъ сборовъ изъ слѣдующаго уравненія: $\{(2.049 + 30) - 510\} = 1.569$ т. рубл.[1]). Самъ г. Чечулинъ сообщаетъ, однако, лишь послѣднюю цифру. Выкладки, въ результатѣ которыхъ, надо думать, авторъ получилъ проставленную имъ въ той же строкѣ (1773 г.) цифру сборовъ по случаю войны, а именно 1.952 т. рубл., также остаются скрытыми отъ читателя, благодаря чему онъ попадаетъ въ столь же затруднительное положеніе, и т. п.

Возьмемъ еще цифры приводимыя г. Чечулинымъ подъ 1783 годомъ: въ его таблицѣ значится, что въ этомъ году сборы: 1) оброчные и другіе, подобные имъ; 2) подушные и 3) сорока-алтынные въ общей совокупности составляли сумму въ 10.952 т. рубл. Эта цифра получена, судя по генеральной табели 1782-го года, изъ слѣдующихъ:

1) Коммиссаріатскихъ: подушныхъ, 4 и 6—гривенныхъ, также съ однодворцевъ, мѣщанъ и купечества сорокаалтынныхъ, вычетныхъ на госпитали, за повышеніе чиновъ, за небытіе

1) С. Р. И. О., V, 226—227.

	въ тысяч. руб.
на исповѣди и за собираемый въ бѣлорусскихъ губ. хлѣбъ, полагая по статной цѣнѣ.....	7.248
2) Адмиралтейскихъ, съ мурзъ и татаръ и другихъ экономическихъ.....	106
3) Прибавочныхъ въ двурублевый окладъ, съ купеческаго капитала процентыхъ накладныхъ по 2 коп. съ рубля и прочихъ неокладныхъ доходовъ, кои статсъ-контора получала.	3.598
Итого....	10.952

Между тѣмъ, въ своей таблицѣ, а именно въ графахъ, озаглавленныхъ: накладные по двѣ копѣйки съ рубля, процентные съ купцовъ, сборы съ раскольниковъ, авторъ ставитъ тире и приводитъ безъ всякихъ объясненій подъ вышеуказанными сборами только что полученную сумму. Въ такихъ случаяхъ г. Чечулинъ предоставляетъ читателю, желающему провѣрить его выводы, догадываться о тѣхъ способахъ, которыми они добыты, а затѣмъ самому продѣлать тѣ же операціи или принимать его выводы на вѣру.

Главу о подушныхъ сборахъ г. Чечулинъ заканчиваетъ замѣчаніями касательно значенія подушной подати для населенія. Авторъ полагаетъ, что подушная подать была вообще «очень тяжела» для плательщиковъ, но не пытается дать своему выводу болѣе точную формулировку; онъ только указываетъ, что естественный приростъ населенія за время до слѣдующей ревизіи и уплата подушной цѣлыми обществами были недостаточнымъ противовѣсомъ противъ ея давленія; онъ также въ общихъ чертахъ намѣчаетъ вліяніе той же подати на «правовое положеніе разныхъ классовъ», но, кажется, не сообщаетъ ничего существенно новаго; «истинное значеніе подушной подати для массы русскаго населенія и для всего русскаго государства» онъ характеризуетъ на основаніи записки, выработанной въ 1862 году для внесенія въ государственный совѣтъ[1]).

Въ слѣдующихъ главахъ своего труда г. Чечулинъ останавливается на обозрѣніи остальныхъ главнѣйшихъ сборовъ: питейныхъ, соляныхъ, таможенныхъ, горныхъ и канцелярскихъ. При изученіи ихъ авторъ большею частью придерживается пріемовъ, анологичныхъ съ вышеуказанными, а потому я не стану подвергать ихъ подробному разбору, и ограничусь нѣсколькими замѣчаніями относительно его выводовъ.

Впрочемъ, одинъ изъ пріемовъ, употребляемыхъ г. Чечулинымъ при исчисленіи доходовъ отъ регалій, требовалъ бы нѣкоторой оговорки. При

1) Впрочемъ, г. Чечулинъ въ одномъ мѣстѣ приводитъ любопытное извѣстіе изъ наказа дворянства Темниковскаго уѣзда, Воронежской губерніи, о томъ, что по первой ревизіи малолѣтніе, не свыше 10 лѣтъ, были свободны отъ подушнаго оклада (с. 147).

изученіи ихъ авторъ вычисляетъ размѣры «прибыли, получаемой казною» и издержки производства, но не пытается различить въ самой «прибыли» обычной въ то время предпринимательской прибыли отъ остатка, принудительно взимаемаго государствомъ; между тѣмъ такой остатокъ, по всей вѣроятности, получался въ нѣкоторыхъ сборахъ, а по его наличности и величинѣ авторъ могъ бы выяснить, въ какой мѣрѣ доходы отъ регалій въ сущности, были сходны съ государственными налогами. Расчеты подобнаго рода, правда, едва ли можно было бы произвести съ надлежащею точностью; но авторъ даже не поднимаетъ такого вопроса хотя бы для того, что бы обсудить возможность его рѣшенія, и различаетъ въ вышеуказанныхъ сборахъ лишь то, что казна получала (прибыль или убытокъ) и то, что она затрачивала.

Г. Чечулинъ выясняетъ возрастающее значеніе питейныхъ сборовъ въ государственномъ бюджетѣ того времени, и способы завѣдыванія ими; онъ останавливается на организаціи откупной системы, въ силу которой «казна принимала на себя заготовленіе вина», а «откупщики брали на свою заботу его продажу», причемъ пользовались широкими полномочіями, и на системѣ вольной продажи вина; онъ вычисляетъ и размѣры чистой прибыли, которую казна получала отъ винной торговли, и «истинныя винныя деньги», т. е. тѣ деньги, которыя казна тратила на закупку вина: они возвращались постепенно и составляли оборотный капиталъ; главу о питейныхъ сборахъ авторъ заканчиваетъ замѣчаніями относительно корчемства, «потрясенія доходовъ отъ винной торговли», наступившаго съ учрежденіемъ о губерніяхъ, и непосредственнаго участія казны въ винокуреніи, но не входитъ въ изученіе его значенія вообще, какъ промысла, для народнаго хозяйства (сс. 153—180).

Главу о соляныхъ сборахъ г. Чечулинъ начинаетъ съ краткаго очерка ихъ возникновенія, но забываетъ отмѣтить, что въ прежнее время «солью въ Россіи, какъ и прочимъ товаромъ, купцы торговали свободно по силѣ торговаго устава, платя въ казну пошлину по 10 коп. съ рубля»[1]); допустивъ такой пробѣлъ, авторъ слишкомъ мало выяснилъ и значеніе указа 1 января 1705 года, превратившаго вольную торговлю солью въ регалію. Мотивы этого превращенія въ указѣ 1 января не изложены; но въ указѣ отъ 8 февраля того-же года, который приведенъ Масловымъ въ его «краткомъ описаніи о соляной продажѣ», они выяснены: объявляя, что велѣно «на Москвѣ и въ городахъ и уѣздахъ у всякихъ чиновъ людей соль всю описать и, описавъ, продавать изъ казны», указъ 8 февраля мотивируетъ эту мѣру тѣмъ, «что на соль купецкіе люди по вся годы накладывали сверхъ настоящей цѣны цѣну съ великою прибавкою и въ вѣсу дѣлали обманъ; и отъ того

1) П. С. З., т. I. № 408, Новоторговый уставъ, с. 26.

чинились въ народѣ тягости и убытки, а въ казну съ той соли сбиралось малое число»[1]). Г. Чечулинъ ограничивается, однако, тѣмъ, что ссылается на отрывокъ изъ указа 1-го января, въ силу котораго велѣно было, «въ Москвѣ и въ городахъ» у всякихъ чиновъ людей соль отписавъ, продавать изъ казны»[2]).

Выводы автора касательно тѣхъ послѣдствій, которыя были вызваны установленіемъ въ 1749 году единообразной цѣны на соль въ размѣрѣ 35 коп. за пудъ (и въ половинномъ размѣрѣ, т. е. 17½ коп. за пудъ въ Астрахани и Красномъ Яру, о чемъ онъ не упоминаетъ) также вызываютъ нѣкоторыя сомнѣнія[3]). Съ довольно оптимистической точки зрѣнія оцѣнивая значеніе уравненія цѣнъ на соль, г. Чечулинъ полагаетъ, что реформа имѣла большой успѣхъ: цѣна въ «35 коп. за пудъ соли, по его словамъ, была цѣна нѣсколько высшая той, по которой продавалась соль въ среднемъ ранѣе, когда въ мѣстахъ, близкихъ къ пунктамъ добычи соли, она продавалась даже по 5 коп., пудъ, но, очевидно, цѣна была опредѣлена такъ умѣренно и удачно, что и въ такихъ пунктахъ населеніе не особенно затруднялось пріобрѣтать соль, а въ то-же время, въ другихъ мѣстахъ, гдѣ прежде соль, по старымъ порядкамъ, продавалась гораздо дороже, съ пониженіемъ ея цѣны потребленіе ея сильно возросло.... Отъ этой реформы выигрывали и казна, и народъ.... Реформа соляной продажи была настолько успѣшна, что на ней не отозвалось вредно даже повышеніе цѣны на соль до 50 коп. за пудъ, къ которому прибѣгли въ самомъ же началѣ семилѣтней войны въ виду нужды въ деньгахъ» (сс. 182—183). Въ дѣйствительности, однако, результаты реформы, судя по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, не были такъ благопріятны, какъ думаетъ г. Чечулинъ, и далеко не въ полной мѣрѣ оправдали надежды гр. Шувалова, а за нимъ и сената. Расчеты ихъ оказались ошибочными: они исходили изъ цифръ о продажѣ соли, относящихся къ 1742 и 1743 годамъ; между тѣмъ въ слѣдующіе годы, особенно въ 1744, 45, 48 и 49-мъ количество проданной соли значительно понизилось и не было основанія ожидать, что, при повышеніи цѣны, потребленіе увеличится. Повышеніе цѣны на соль, напротивъ, вызвало, судя по современнымъ вѣдомостямъ, замѣтное сокращеніе ея продажи и только черезъ 6—7 лѣтъ потребленіе казенной соли достигло прежняго уровня. Точно также и послѣдующее повышеніе цѣны до 50 коп., которое по мнѣнію

1) М. Масловъ, Краткое описаніе о соляной продажѣ въ Моск. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ Сн. рос. госуд., Ком. VII. шк. 7 пр., карт. 3. А. Н. Куломзинъ упоминаетъ, вѣроятно, объ этомъ докладѣ, но безъ точныхъ указаній на мѣсто его храненія; см. Op. cit, въ Рус. Вѣст. 1870 г., октябрь, с. 400.

2) П. С. З. т. IV, № 2009.

3) П. С. З. т. XIII, № 9696; у г. Чечулина — опечатка: онъ ссылается на т. VII вмѣсто XIII-го.

г. Чечулина, не отозвалось вредно на соляной продажѣ, сократило потребленіе сразу почти на два милліона пудовъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ потребленіе соли «подлымъ» народомъ оказалось недостаточнымъ, а продажа соли «воровствомъ» усилилась, да и финансовые расчеты правительства не оправдались[1]).

Г. Чечулинъ замѣчаетъ, что съ конца 1740-хъ годовъ, когда организована была добыча соли въ Эльтонскомъ озерѣ, дѣло пошло живѣе и лучше (с. 182), но не достаточно оттѣняетъ, что исторію его съ 1731 до 1762 года можно разбить на два періода, которые Масловъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Во время сей соляной продажи съ 1731 по 1750 годъ всѣ города довольствованы были разныхъ родовъ озерными и выварочными солями, а большею частью астраханскимъ бузуномъ и пермскою, коей въ выварклѣ бывало до 4.800.000 пудовъ». «Съ 1750-го же года по указамъ правительствующаго сената онаго 1750, 1751, 1753, 1754, 1755 и 1756 годовъ, велѣно вмѣсто пермской и прочей соли умножать элтонскую соль, прочую-жъ уменьшать, а особливо пермскую до такого состоянія приводить, что-бъ уже никуда поставки не было; но что-бъ всѣ мѣста, куда ставилась пермская (кромѣ новогородской и санктъ-петербургской губерній) удовольствованы были элтонскою солью; а для тѣхъ двухъ губерній дозволено было до Нижняго Новагорода ставить не болѣе какъ до 700.000 пудъ, чрезъ что пермскіе соляные промыслы приведены были почти до самаго уничтоженія. Элтонская жъ соль противу оной пермской въ казнѣ становилась съ немалымъ превосходствомъ, о чемъ между прочаго въ учрежденной въ 1764 году о соли коммиссіи, а по докладу оной и въ правительствующемъ сенатѣ было разсматривано, и по высочайшей ея императорскаго величества 1768 года конфирмаціи пермскимъ соляным промышленникамъ для пріумноженія выварки соли къ прежней нижегородской, за вычетомъ пошлинъ, цѣнѣ къ осьми копѣйкамъ съ десятою долею прибавлено безъ мала по двѣ копейки на пудъ, отъ чего на пермскихъ промыслахъ выварка соли по нынѣ и умножилась съ великимъ противъ уменшительной препорціи превосходствомъ, то есть до трехъ милліоновъ пудъ».

При изложеніи исторіи «соляной продажи» за послѣдній изъ только что указанныхъ періодовъ г. Чечулинъ также не вполнѣ точно передаетъ содержаніе указовъ 12 сентября 1756 года и 5 іюля 1762 года. Въ силу указа 1756 года цѣна на соль, по словамъ автора, была повышена до 50 коп. за пудъ (с. 183); но онъ забываетъ упомянуть, что такое повышеніе, со-

1) А. Свирщевскій, Матеріалы къ исторіи обложенія соли въ Россіи въ Юридическихъ Запискахъ Демидов. Лицея, 1908 г. вып. I, сс. 191—193; цифровыя данныя, воспроизведенныя, впрочемъ, не безъ опечатокъ, см. тамъ же и ниже сс. 197 и 198.

гласно тексту того же указа, было установлено въ городахъ и мѣстахъ, «гдѣ казенной соли продажа происходитъ»; соль же «у города Архангельскаго, на соленіе рыбы для внутренняго расхода однимъ токмо промышленникамъ», велѣно было продавать по прежней цѣнѣ, т. е. по 35 коп. пудъ, а въ Астрахани и въ Красномъ Яру она была понижена до 25 коп. за пудъ. То же замѣчаніе слѣдуетъ сдѣлать и относительно указа 1762 года, соотвѣтственно понизившаго цѣны до 40, 25 и 15 коп. за пудъ [1]).

Устройство соляныхъ сборовъ въ царствованіе Екатерины II, по мнѣнію г. Чечулина опредѣленно дѣлится на два періода: до изданія «устава о соли» 16-го іюня 1781 года и послѣ него (с. 184). Съ такимъ заключеніемъ можно, конечно, согласиться, но устройство сборовъ едва ли вполнѣ выяснено авторомъ, по крайней мѣрѣ относительно роли главной соляной конторы. Въ ея исторіи можно различать два періода: до 1772-го года и послѣ него; до 1772-го года эта контора, дѣйствительно, функціонировала довольно плохо; авторъ склоненъ думать, что и «реформа ея не получила дальнѣйшаго развитія». Въ вышеназванной своей запискѣ Масловъ, однако, указываетъ, что новый регламентъ, установившій въ 1772 году (апр.), какимъ образомъ соляной конторѣ «въ заготовленіи соли поступать», возымѣлъ нѣкоторое дѣйствіе. До того времени въ соляной конторѣ «все исполнялось по разнымъ частнымъ указамъ, и соль доставлялась во всѣ мѣста по требованіямъ и по большему изъ трехъ лѣтъ расходу, съ прибавленіемъ къ тому на случай иногда умноженія продажи въ запасъ нѣкотораго количества». Съ 1772 года, однако, положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось: «въ апрѣлѣ мѣсяцѣ по высочайшей ея императорскаго величества конфирмаціи въ главной соляной конторѣ учреждено правленіе по новой формѣ и данъ ей планъ, какимъ образомъ поступать, который и можно назвать первымъ регламентомъ соляной конторы, ибо въ семъ планѣ предписаны правила, по скольку соли заготовлять, коимъ образомъ магазейны учредить и продажу соли, также и расходъ денегъ производить...». Съ «состоянія онаго плана и учинено въ соляной конторѣ новое учрежденіе: 1-е всѣхъ родовъ, какъ самосадочныя, такъ и выварочныя соли росписаны по тѣмъ мѣстамъ, куда въ истинѣ съ провозомъ дешевле обходиться могутъ; 2-е собраны изъ всѣхъ мѣстъ о расходѣ и о остаткѣ соли вѣдомости, по которымъ установлено, сколько гдѣ содержать соли, къ чему взято за правило пропорція по дѣйствительному большему расходу, а по сей пропорціи заготовленіе ежегодно дѣлается, причитая всегда и оставшуюся соль, такъ, чтобъ и со оною изъ году въ годъ составляло всегда двугодовое количество, въ томъ числѣ для каждаго мѣста

1) П. С. З., т. XIV, № 10606; ср. А. Свирщевскій, Op. cit. въ Юрид. Зап. Демидовскаго Лицея 1908 г., в. I, сс. 189 — 190.

въ магазейнѣ запасной на полгода, да по мѣстамъ на полтора года, не включая въ сіе число ту соль, которая съ мѣстъ ломки до запасныхъ магазейновъ еще не доставлена»[1]). Показанія Маслова, правда, исходятъ отъ заинтересованнаго лица; но, не подвергнувъ ихъ провѣркѣ, нельзя и отвергать ихъ, а, значитъ, пока еще нельзя положительно утверждать, что «реформа не получила дальнѣйшаго развитія» (с. 189).

Главная соляная контора и подвѣдомственные ей мѣстные органы (за исключеніемъ одной экспедиціи съ однимъ департаментомъ) были уничтожены почти одновременно съ обнародованіемъ устава о соли 16-го іюня 1781 года, окончательно завершившаго новую организацію соляной торговли; но и въ изложеніи этой реформы г. Чечулинъ допускаетъ нѣкоторыя неточности. Авторъ, сообщивъ объ изданіи устава о соли, пишетъ: «завѣдываніе солянымъ дѣломъ передано окончательно въ казенныя палаты»; главная соляная контора и всѣ подвѣдомственные ей мѣстные органы были уничтожены (с. 190). Отсюда можно было бы заключить, что соляная контора упразднена одновременно съ изданіемъ новаго устава о соли; но въ уставѣ о соли сказано: «въ губерніяхъ, гдѣ управленіе еще не устроено, предоставить сіе (т. е. снабженіе ихъ солью) на попеченіе главной соляной конторы и подчиненныхъ ей мѣстъ»; лишь въ силу указа отъ 15 ноября 1783 года она была закрыта; а «для окончанія расчетовъ и старыхъ дѣлъ» велѣно было оставить одну экспедицію и департаментъ»[2]).

Вслѣдъ за тѣмъ г. Чечулинъ переходитъ къ изложенію «порядковъ соляной торговли» и «указываетъ въ общихъ чертахъ условія, въ которыхъ находилось тогда у насъ дѣло снабженія государства солью» (сс. 191—199), причемъ приходитъ къ выводу, что въ серединѣ 1780-хъ годовъ прибыль получаемая казною отъ соляной продажи «приближалась къ нулю» (с. 197); самъ авторъ ниже замѣчаетъ, однако, что «чистая прибыль казны по торговлѣ солью... въ 1783 г. составляла 30%, а въ 1788 г. — 20%» (с. 203).

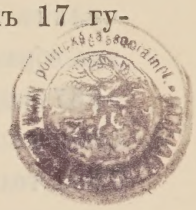
Послѣднія страницы главы о соляныхъ сборахъ г. Чечулинъ посвящаетъ обозрѣнію «чисто финансовой стороны этой отрасли государственнаго хозяйства», причемъ пытается установить, сколько казна получала прибыли или убытку (что стало замѣтно съ 1791 г.) и сколько «затрачено было», а также «весь расходъ населенія на соль»; свѣдѣнія по послѣднимъ двумъ статьямъ, къ сожалѣнію, отличаются довольно значительными пробѣлами. Пытаясь выяснить, сколько соли въ среднемъ «ежегодно потреблялось въ Россіи на человѣка» г. Чечулинъ довольствуется указаніями устава о соли; послѣдній свидѣтельствуетъ, что въ 1770—1774 гг. добыто было всего 40.785.000

1) М. Масловъ, Краткое описаніе о соляной продажѣ въ Моск. Глав. Арх. Мин. Дѣлъ. ib.; ср. с. 115, прим. 1.

2) П. С. З., т. XXI, №№ 15174, 15880.

пудовъ соли, т. е. въ среднемъ 8.100.000 пудовъ въ годъ и что размѣры такого потребленія, предположительно, колебались отъ 12 до 18 фунтовъ на человѣка. Показанія устава можно сопоставить, по крайней мѣрѣ, относительно начала 1770-хъ годовъ съ тѣми данными, которыя сообщены въ выше указанной запискѣ о «соляной продажѣ». Въ великороссійскихъ и малороссійскихъ 17 губерніяхъ числилось положенныхъ въ окладъ мужескаго пола: 9.208.197 душъ, а съ не положенными въ окладъ разночинцами и съ женскимъ поломъ можно, примѣрно, считать 18.416.394 души.

Между тѣмъ въ 1771 — 1773 годахъ, всѣхъ находящихся въ государствѣ разныхъ родовъ солей (кромѣ остзейскихъ трехъ и бѣлорусскихъ двухъ губерній) въ прочихъ великороссійскихъ и малороссійскихъ 17 губерніяхъ въ продажѣ было:



въ 1771	8.731.248
» 1772	8.036.023
» 1773	8.290.109
Итого за три года:	25.057.380 пуд.

Такимъ образомъ въ среднемъ на каждый годъ приходилось по 8.352.460 пудовъ, что и составитъ на человѣка по 18 фунтовъ съ нѣсколькими лотами[1]).

Слѣдовательно, изъ вышеприведеннаго расчета видно, что онъ относится не ко всей территоріи Россійской имперіи, а только къ великороссійскимъ и малороссійскимъ 17 губерніямъ; значитъ, трудно, безъ дальнѣйшихъ изысканій, утверждать, что «въ Россіи» вообще потреблялось въ 1770-хъ годахъ по 12 — 18 фунтовъ соли на человѣка ежегодно: самъ уставъ задается вопросомъ, вѣренъ ли такой счетъ для всѣхъ мѣстностей Россіи?

Расчетъ г. Чечулина касательно того, что населеніе тратило на соль, также едва ли можно назвать вполнѣ «точнымъ»; самъ авторъ опредѣляетъ такую сумму въ началѣ 1770-хъ годовъ въ размѣрѣ «свыше 3.000.000 рубл.»; если принять вышеуказанныя цифры ежегодной продажи соли за 1771 — 1773 гг., то уже мы получимъ въ среднемъ (считая по 40 коп. за пудъ) до 3.340.984 р. ежегодно на населеніе однѣхъ только великороссійскихъ и малороссійскихъ 17 губерній; а между тѣмъ, судя по кавычкамъ на его таблицѣ (с. 203), авторъ склоненъ распространить квалификацію «точно» и на вышеприведенный его расчетъ.

Наконецъ, и общій выводъ, къ которому г. Чечулинъ приходитъ относительно соляной продажи требовалъ бы дальнѣйшихъ поясненій. «Резуль-

1) М. Масловъ, Краткое описаніе о соляной продажѣ, въ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ ib; ср. с. 115, прим. 1.

татъ соляной торговли для казны, по его словамъ, былъ крайне неблагопріятенъ, для населенія же какъ разъ наоборотъ—чрезвычайно благопріятенъ...» (с. 203); самъ авторъ, однако, замѣчаетъ нѣсколько выше, что въ Россіи «соли потреблялось тогда очень мало» (с. 202) и что промышленный доходъ отъ ея продажи еще въ 1788 г. доставлялъ казнѣ 20% прибыли; вмѣстѣ съ тѣмъ, называя цѣну, за которую населеніе могло покупать соль, «дешевой», онъ не сообщаетъ точныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ хозяйничанье казны давало ей возможность продавать соль по цѣнѣ, болѣе дешевой, чѣмъ та, которой частныя лица могли бы держаться.

Вслѣдъ за тѣмъ, переходя къ обозрѣнію таможенныхъ сборовъ, г. Чечулинъ прежде всего сообщаетъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній объ ихъ образованіи. Послѣ краткихъ указаній на сравнительно легкій тарифъ 1667 года и покровительственный хакактеръ тарифа 1724 г., «покровительственная система», по его словамъ, «была вовсе оставлена» въ тарифѣ 1731 года; предшественникъ г. Чечулина, выводами котораго онъ и пользуется, выразился, однако, нѣсколько точнѣе и осторожнѣе: «покровительственная таможенная система Петра Великаго», по его словамъ, «была почти совершенно оставлена» въ этомъ тарифѣ[1]); преувеличивая категоричность такого вывода, г. Чечулинъ не приводитъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, если не считать замѣчанія, что «размѣръ пошлинъ (по тарифу 1731 года) не превышалъ 25% стоимости товара» (с. 207); между тѣмъ тарифъ 1731 года, дозволяя безпошлинный привозъ и вывозъ нѣкорыхъ товаровъ, содержитъ, напримѣръ, и запрещенія относительно вывоза нѣсколькихъ продуктовъ, а именно: шерсти калмыцкой, черкасской, новыхъ овчарныхъ заводовъ и русской, а также тряпья къ бумажному дѣлу, что̀ естественно объяснять покровительственными цѣлями.

При изложеніи исторіи отмѣны внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ г. Чечулинъ указываетъ на заслуги гр. П. И. Шувалова. «Эту мѣру, пишетъ авторъ, предложилъ и провелъ гр. П. И. Шуваловъ, и за нее многое можетъ быть прощено этому человѣку, причинившему во многихъ другихъ случаяхъ своею алчностью и корыстолюбіемъ не мало вреда государству» (с. 35). Въ виду давно уже сдѣланныхъ намековъ и недавно представленныхъ въ литературѣ соображеній касательно тѣхъ побужденій, которыми гр. П. И. Шуваловъ, можетъ быть, руководствовался при отмѣнѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ[2]), съ категоричностью такой оцѣнки едва ли согласится даже тотъ, кто сочтетъ возможнымъ обвинять или «прощать» дѣяте-

1) К. Ладыженскій, Ист. рус. тамож. тарифа, Спб., 1886 г., с. 78.

2) Кн. Я. Шаховской, Записки, с. 141; Н. Өирсовъ, Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII ст. Каз., 1896 г., с. 97 и сл.

лей прошлаго времени. Послѣ очень краткой характеристики реформы, совершившейся въ силу указа отъ 1 января 1754 года, и столь же краткаго обозрѣнія покровительственнаго тарифа 1757 года, авторъ нѣсколько дольше останавливается на отмѣнѣ системы таможеннаго откупа, но не принимаетъ во вниманіе ни записки Теплова, ни подлиннаго доклада сената касательно этой отмѣны[1]). Дальнѣйшія страницы разбираемой главы посвящены обозрѣнію таможенныхъ тарифовъ 1763 — 1796 гг., обусловившихъ собою и размѣры таможенныхъ сборовъ. Авторъ полагаетъ, что коммиссія о торговлѣ занимавшаяся составленіемъ извѣстнаго тарифа 1766 г., «работала, быть можетъ, не столь усердно и во всякомъ случаѣ безуспѣшно» надъ укрѣпленіемъ кредита (с. 211), но ничего не упоминаетъ о выработанномъ ею проектѣ банкрутскаго устава, который, едва ли по винѣ коммиссіи, лишь значительно позже и безъ существенныхъ измѣненій вошелъ въ составъ извѣстнаго банкротскаго устава 1800 года[2]). Въ довольно бѣгломъ обозрѣніи послѣдующихъ узаконеній по части таможенныхъ сборовъ, предлагаемомъ авторомъ, нельзя не замѣтить довольно существеннаго пробѣла: отъ запрещенія ввозить черезъ сухопутную нашу границу нѣкоторые товары, обнародованнаго 26 іюня 1789 года, онъ переходитъ къ новому тарифу, утвержденному 16 сентября 1796 г., но слишкомъ мало выясняетъ значеніе указовъ 17 февраля и 8 апрѣля 1793 года; между тѣмъ, въ нихъ обнаружился рѣзкій поворотъ правительства въ пользу покровительства. Запретительныя мѣры, направленныя, главнымъ образомъ, противъ ввоза французскихъ товаровъ, вѣроятно, отозвались и на весьма замѣтномъ пониженіи таможенныхъ сборовъ: въ своей таблицѣ самъ авторъ указываетъ, что таможенные сборы, поступившіе въ 1793 году, понизились съ 7.228.000 рубл. предшествующаго года до 5.017.000 рубл. (с. 218); но онъ ограничивается замѣчаніемъ, что такое пониженіе «отражаетъ» въ себѣ «экономическій и финансовый кризисъ послѣднихъ лѣтъ Екатерининскаго царствованія» (с. 221). Не отрицая, конечно, вліянія такого кризиса на вышеуказанное пониженіе, я думаю, однако что автору слѣдовало принять во вниманіе дѣйствіе совсѣмъ иной причины, т. е. вліяніе запретительныхъ указовъ 1793 года, тѣмъ болѣе, что самъ онъ отмѣчаетъ, насколько привозъ того времени «удовлетворялъ почти исключительно потребностямъ высшаго или обезпеченнаго слоя населенія» (с. 222).

Въ итогѣ своихъ изслѣдованій г. Чечулинъ даетъ таблицу доходовъ, которые казна получала отъ таможенныхъ сборовъ, и, сравнивая цифры

1) А. Лаппо-Данилевскій, Отзывъ о соч. Н. Ѳирсова: Правительство и Общество и т. д. въ Отч. о XLVII прис. нагр. гр. Уварова, отд. от., с. 21.

2) A. Lappo-Danilevski, Die russische Handels-Kommission 1763 — 1796 въ Beiträge zur Russischen Geschichte, hrsgb. von. O. Hötzsch, Berl., 1907, s. 207.

дохода съ цифрами поступленій, опредѣляетъ издержки собиранія, достигавшія, по его расчету, приблизительно 11 — 12% поступавшихъ сборовъ.

Отъ обозрѣнія таможенныхъ сборовъ г. Чечулинъ переходитъ къ такому же обозрѣнію «горныхъ доходовъ», т. е. тѣхъ суммъ, которыя, поступали въ распоряженіе казны отъ обращенія металловъ въ монету и разные сборы съ металлургическихъ заводовъ. Въ противоположность остальнымъ очеркамъ авторъ не останавливается здѣсь на предшествующей исторіи горныхъ доходовъ, можетъ быть, потому, что они играли второстепенную роль въ бюджетѣ (всего 3 — 5%) и прямо приступаетъ къ выясненію тѣхъ суммъ, изъ которыхъ составлялся горный доходъ, и его размѣровъ. Впрочемъ, авторъ не располагалъ подробными свѣдѣніями объ этой статьѣ бюджета даже за время царствованія Екатерины II: за 1763—1772 гг., 1774—1775 и 1778 — 1780 гг. онъ опредѣляетъ размѣры горныхъ доходовъ лишь «очень приблизительно» (с. 223). Сравнительно болѣе полныя данныя относительно доходовъ съ заводовъ казенныхъ, отъ десятины и четырехкопѣечнаго сбора, а также относительно доходовъ отъ мѣднаго и серебрянаго передѣла автору удалось собрать (по печатнымъ источникамъ) лишь за 1781 — 1796 гг.; съ 1788 г. онъ отмѣчаетъ пониженіе горнаго дохода вообще (съ 2.025.000 до 1.258.000 рубл.), «объясняемое» имъ «отчасти общимъ финансовымъ и экономическимъ разстройствомъ послѣдняго десятилѣтія Екатерининскаго царствованія, отчасти, можетъ быть, какими нибудь особо неблагопріятными фактами спеціально въ горномъ дѣлѣ въ эти годы» (с. 227). Вслѣдъ за тѣмъ авторъ нѣсколько останавливается на обозрѣніи дохода съ серебра, т. е. той прибыли, которую «казна получала отъ обращенія въ монету серебра, добытаго въ ея рудникахъ», и, въ особенности, доходовъ, получаемыхъ ею отъ мѣднаго передѣла; кромѣ того авторъ пытается установить размѣръ доходовъ и по болѣе мелкимъ статьямъ, въ совокупности составлявшимъ горный доходъ.

Г. Чечулинъ полагаетъ, что доходъ отъ обращенія мѣди въ монету не имѣлъ ничего общаго съ прибылью отъ ея порчи и готовъ даже попрекнуть Екатерининское правительство за то, что оно не воспользовалось паденіемъ курса мѣдной монеты, соотвѣтствовавшимъ паденію курса ассигнацій, для того, чтобы понизить внутреннюю ихъ стоимость и такимъ образомъ «получить въ подкрѣпленіе казначейства до 5.000.000 рубл.»; «вѣдь нѣтъ основаній сомнѣваться, что мѣдныя деньги совершенно также слѣдовали-бы въ своемъ паденіи ассигнаціямъ и въ томъ случаѣ, если бы внутренняя стоимость ихъ нѣсколько понизилась» (с. 234).

Въ вышеприведенномъ разсужденіи г. Чечулинъ исходитъ изъ факта соотвѣтствія между паденіемъ курса ассигнацій и курса мѣдной монеты, дѣйствительно обнаружившагося въ 1786 — 1796 гг., но предлагаемое

имъ объясненіе такого факта едва ли можетъ вполнѣ удовлетворить читателя. Паденіе курса мѣдной монеты, по мнѣнію автора, «довольно естественно, хотя уже по одному тому, что ассигнацій въ теченіе 1786—1796 гг. было выпущено на 112.000.000 рубл., а мѣдной монеты — всего на 18.500.000 рубл. (с. 234). Авторъ какъ будто указываетъ на то, что мѣдной монеты было выпущено слишкомъ мало; но «мѣдной монеты, по словамъ современника, бито и слѣдственно надлежало бы въ обращеніи быть отъ 60 до 70 мил. рубл.»[1]). Въ сущности г. Чечулинъ ограничивается лишь ссылкой на то, что мѣдной монеты въ 1786 — 1796 гг. было выпущено всего на 18.500.000 рубл.; но автору, можетъ быть, не мѣшало обратить вниманіе и на давно уже высказанныя въ литературѣ соображенія о томъ, какимъ образомъ серебрянный рубль, принятый въ нашей системѣ за единицу, началъ встрѣчать новую ассигнаціонную единицу, равную ему только номинально, а потому въ цѣнѣ торговой сообразовался уже съ общими бумажными деньгами, понятіе же цѣны, выражавшееся рублемъ, стало представлять уже не сто копѣекъ, какъ было прежде, но значительно болѣе[2]); между тѣмъ, размѣнъ ассигнацій производился преимущественно на мѣдныя деньги; при обмѣнѣ же мѣдныхъ денегъ на ассигнаціи, болѣе удобныя для обращенія, во многихъ губерніяхъ платили лажъ[3]). Далѣе, охотно предлагая проектъ «измѣненія цѣнности монеты», авторъ полагаетъ что «вопросъ о возможности такого измѣненія», «во всякомъ случаѣ» не поднимался и считаетъ это отсутствіе «любопытнымъ и характернымъ для тогдашнихъ дѣятелей» (с. 234). Вотъ что пишетъ, однако, одинъ изъ статсъ-секретарей императрицы, завѣдывавшій дѣлами, которыя были поручены кн. Зубову, «о переклейменіи старой мѣдной монеты въ двойную цѣну». «Причина, побудившая правительство приступить къ передѣлу тогдашней мѣдной монеты и тогдашняго чекана очевидна. Казна потерпѣла отъ сего чрезмѣрную потерю; въ пудѣ оной считалось 16 рублей, когда въ лавкахъ мѣдь продавалась отъ 24 до 30 рублей за пудъ. Несмотря на строгое запрещеніе передѣлывать монеты въ издѣлія и вывозить за границу, такъ какъ мѣдь въ тогдашней монетѣ была добротна, то множество оной было въ разныя времена въ передѣлкѣ переплавлено и за границу на таковое же употребленіе тайно

1) Кн. М. Щербатовъ, Соч., т. I, с. 697 («Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 г....»). Судя по словамъ Грибовскаго, въ 1795 г. мѣдной монеты, примѣрно, могло быть до 50 мил. въ обращеніи; но самъ онъ замѣчаетъ, что много мѣдной монеты было переплавлено и вывезено заграницу.

2) Е. Ламанскій, Статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій съ 1817 г. до настоящаго времени въ Сбор. стат. свѣд. о Россіи, изд. Имп. Рус. Геогр. Общ., Спб. 1854, с. 142. Англійскія конторы въ С.-Петербургѣ заявили правительству въ 1793 году, что «la circulation se borne maintenant aux billets et au cuivre»; см. Н. Өирсовъ, Правительство и Общество и проч., с. 139.

3) M. Tooke, Hist. de l'empire de Russie (trad. sur la 2 éd.), t. IV, p. 42 и др.

перевезено. Для сего собраны были изъ дѣлъ монетнаго департамента и другихъ мѣстъ подробныя свѣдѣнія о количествѣ выбитой золотой, серебряной и мѣдной монеты съ начала XVIII столѣтія, и, по соображеніи съ могущими быть остатками оной къ 1795 году, поданъ былъ отъ князя Зубова докладъ о передѣлѣ одной только мѣдной монеты, не касаясь золотой и серебряной. Первой примѣрно могло тогда быть въ народномъ обращеніи до 50-ти милліоновъ, изъ которыхъ предположено сдѣлать двойное количество посредствомъ переклейменія. Такимъ образомъ государственное казначейство пріобрѣтало въ три года до 50-ти милліоновъ рублей мѣдной монеты. Впредь же положено выбивать мѣдную монету по 24 рубля изъ пуда. При умноженіи мѣдной, а равно золотой и серебряной монеты представлялась возможность прибавить и банковыя ассигнаціи, назначенныя въ манифестѣ 1785 года 28 іюня, и количество оныхъ на сто милліоновъ удвоить. По сему представленію послѣдовалъ высочайшій указъ о составленіи комитета для приведенія въ дѣйствіе вышеизъясненныхъ предположеній и уже устроены были въ С.-Петербургѣ и Москвѣ монетные дома для переклейменія прежняго чекана мѣдной монеты, которое уже и было начато, но немедленно послѣ смерти императрицы прекращено» [1]). Такимъ образомъ, трудно согласиться съ заключеніемъ г. Чечулина, что «вопросъ о возможности измѣненія цѣнности [мѣдной] монеты даже не поднимался». Наконецъ, и мнѣніе г. Чечулина о томъ, что мѣдныя деньги, въ случаѣ пониженія внутренней ихъ стоимости, «совершенно также слѣдовали-бы въ своемъ паденіи ассигнаціямъ», нельзя признать доказаннымъ: естественно предполагать, что, въ случаѣ пониженія внутренней ихъ стоимости, покупательная сила мѣдныхъ денегъ стала бы падать, но едва ли можно, безъ надлежащихъ доказательствъ, утверждать, что она стала бы падать «совершенно также».

Свое обозрѣніе важнѣйшихъ видовъ государственныхъ доходовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II г. Чечулинъ, заканчиваетъ изученіемъ «канцелярскихъ сборовъ», въ составъ которыхъ входили «всѣ остальные доходы» (сс. 235 — 254). Авторъ не берется представить полное ихъ перечисленіе. Точно опредѣлить численность ихъ хотя бы въ данный моментъ времени, дѣйствительно, довольно затруднительно, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется, что г. Чечулинъ устанавливаетъ не совсѣмъ однородныя цифры ихъ; число канцелярскихъ сборовъ, напримѣръ, въ 1769 году, по его расчету, превышало 150 статей; но, нѣсколько ниже онъ уже считаетъ не менѣе 184 статей (сс. 237, 239).

---

1) А. Грибовскій, Записки объ императрицѣ Екатерины Великой, изд. 2-е, М. 1864 г., сс. 58, 58 — 59, 64 — 66.

Впрочемъ, съ теченіемъ времени число канцелярскихъ сборовъ, стало повидимому, нѣсколько убывать; отмѣчая такое сокращеніе, авторъ указываетъ на то, что оно происходило обыкновенно въ то время, «когда правительство желало сдѣлать какое нибудь облегченіе финансовой тяготы подданыхъ»; уже къ 1782 году канцелярскіе сборы считались по 60-ти статьямъ; но въ нѣкоторыхъ статьяхъ правительство могло соединять по два или по три сбора (с. 237). Для вполнѣ правильнаго расчета г. Чечулину слѣдовало обратить большее вниманіе на возможность такого перемѣщенія мелкихъ сборовъ въ другія статьи: оно свидѣтельствовало бы въ пользу того, что правительство желало нѣсколько упорядочить свою классификацію доходовъ. А между тѣмъ, сама императрица Екатерина II, повидимому, стремилась къ такой цѣли: «сіе названіе, писала она въ одной изъ своихъ замѣтокъ, про канцелярскіе сборы, дается многимъ зборамъ, коимъ онѣ неприличны, какъ то, напримѣръ, съ мельницъ, хотя сей зборъ экономически; итакъ, разобравъ званіи канцелярскихъ зборовъ, приписать каждой, куда надлежитъ»[1]). Такимъ образомъ, императрица, во всякомъ случаѣ, считала желательнымъ сократить группу доходовъ, по разнообразію своему, довольно близко подходившую къ отдѣлу «разныхъ» доходовъ, отдѣлу, наличность котораго обыкновенно скрываетъ лишь «всякіе недостатки и небрежности классификаціи доходовъ», и уже въ то время имѣла въ виду упорядочить её, что автору и слѣдовало отмѣтить.

Не перечисляя всѣхъ «канцелярскихъ сборовъ» г. Чечулинъ, даетъ, однако, группировку главнѣйшихъ ихъ разновидностей, впрочемъ, едва ли вполнѣ выдержанную: различая, напримѣръ, «актовыя пошлины» отъ гербовыхъ, онъ въ одну и ту же группу зачисляетъ и «почтовый доходъ», и «доходъ отъ казенныхъ садовъ» и т. п. (с. 238). Вслѣдъ за тѣмъ, не останавливаясь на изученіи «происхожденія и развитія всѣхъ этихъ сборовъ», авторъ сообщаетъ лишь довольно отрывочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ случайно уцѣлѣвшихъ старинныхъ сборахъ, а также о времени установленія и перемѣнахъ въ развитіи гербовыхъ и актовыхъ пошлинъ, о сборахъ съ топорныхъ барокъ и о вычетахъ за повышеніе чинами (сс. 239 — 244), но не упоминаетъ о довольно важныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ исторіи почтовыхъ сборовъ, напримѣръ, объ установленіи однообразной почтовой таксы «во всемъ государствѣ» въ 1783-мъ году; самъ онъ замѣчаетъ, однако, что почтовый доходъ возрасталъ гораздо сильнѣе остальныхъ канцелярскихъ сборовъ (с. 251)[2]). Авторъ указываетъ также на неясность и неопредѣленность, царившія въ поступленіяхъ канцелярскихъ сборовъ въ казну и открывавшія широкій просторъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ» (сс. 245 — 248).

Размѣръ доходовъ, получаемыхъ казною отъ канцелярскихъ сборовъ,

1) Гос. Арх., X, 17, л. 215.
2) П. С. З., т. XXI, № 15875.

опредѣлить довольно трудно; за время съ 1764 г. до 1781 г. г. Чечулинъ располагалъ цифровыми данными лишь по нѣкоторымъ статьямъ; за время же съ 1782 г. до 1795 г. онъ имѣетъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія; размѣры общаго годового дохода по всѣмъ канцелярскимъ сборамъ онъ опредѣляетъ лишь за время съ 1785 до 1795 года и отмѣчаетъ «въ общемъ» довольно равномѣрное возрастаніе этихъ сборовъ.

Свое обозрѣніе канцелярскихъ сборовъ г. Чечулинъ заканчиваетъ краткими указаніями на значеніе канцелярскихъ сборовъ, чрезвычайно тяготившихъ плательщиковъ (сс. 252 — 254). Въ числѣ такихъ отяготительныхъ сборовъ авторъ обращаетъ вниманіе и на сборъ 8% съ цѣны протестованнаго векселя (с. 252); хотя онъ и замѣчаетъ нѣсколько ниже, что «единственнымъ способомъ достигнуть улучшенія является въ подобномъ случаѣ просто отказъ отъ полученія этого дохода» (с. 253), однако, забываетъ отмѣтить, что 8% сборъ съ протестованныхъ векселей, дѣйствительно, былъ вскорѣ «усмотренъ отяготительнымъ», ибо онъ «въ коммерціи дѣлаетъ помѣшательство»: онъ былъ отмѣненъ указомъ 15 ноября 1768 года[1]).

Послѣ подробнаго разсмотрѣнія важнѣйшихъ видовъ государственныхъ доходовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II и внимательнаго изученія и подсчета цифровыхъ данныхъ о нихъ, г. Чечулинъ получаетъ возможность подвести итоги по возможности всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ того времени и представить относительное значеніе ихъ въ бюджетѣ и движеніе суммъ съ 1763-го по 1796-й годъ (сс. 254 — 262).

Судя по подсчетамъ автора, подушные сборы, разумѣется, составляли самую значительную, почти третью часть бюджета, т. е. не менѣе 33% и возрасли отъ 5.667 тыс. рубл. до 24.721 тыс. рубл.; питейные сборы доставляли казнѣ приблизительно 25% бюджета доходовъ и отъ 4.376 тыс. рубл. дошли до 15.000 тыс. рубл.; соляной сборъ давалъ дохода отъ 7 до 10% всего бюджета и измѣнился съ 1.510 тыс. рубл. до 5.236 тыс. рубл. (послѣдняя цифра — валовой доходъ[2]); таможенные доходы рѣдко спускались ниже 10% бюджета и съ 1.997 тыс. рубл. повысились до 6.470 тыс. рубл. (вмѣстѣ съ издержками собиранія); размѣры остальныхъ доходовъ, а именно горныхъ и канцелярскихъ сборовъ на протяженіи всего разсматриваемаго періода опредѣлить затруднительно; они составляли лишь около пятой части бюджета или еще менѣе и предположительно возрасли: горные съ 1.000 тыс. р. (? безъ указанія издержекъ собиранія) до 1.325 тыс. рубл., а канцелярскіе

1) П. С. З., т. XVIII, № 13197; велѣно было даже съ тѣхъ не взыскивать, «съ кого не взыскано или кто донынѣ не заплатилъ».

2) Н. Чечулинъ, Op. cit., с. 200. Цифра 5.236 (такъ же, какъ и двѣ предшествующія (см. с. 262), собственно говоря, обозначаетъ «весь расходъ населенія на соль» въ 1796 году; авторъ не нашелъ свѣдѣній о прибыли или убыткѣ казны, а также о ея затратахъ въ этомъ году.

съ 600 тыс. рубл. до 9.360 тыс. рубл. Такимъ образомъ, весь бюджетъ государственныхъ доходовъ, опредѣленный, впрочемъ, лишь приблизительно, не въ полномъ соотвѣтствіи съ вышеприведенными цифрами, возросъ съ 14.535 тыс. рубл. до 55.406 тыс. рубл. чистаго дохода. Таковы важнѣйшіе выводы г. Чечулина относительно значенія и роста государственныхъ доходовъ: онъ располагаетъ ихъ въ таблицѣ, по которой можно слѣдить за ихъ возрастаніемъ, а также за увеличеніемъ издержекъ собиранія, по возможности, всюду высчитываемыхъ авторомъ, хотя большею частью приблизительно, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, съ 1763-го и по 1796 годъ (сс. 260—262).

Главная таблица, однако, можетъ ввести читателя въ недоразумѣніе: при ея составленіи авторъ, къ сожалѣнію, не избѣжалъ одного случайнаго недосмотра. Если сравнить цифровыя показанія о таможенныхъ доходахъ 1771—1784 гг., приводимыя авторомъ на сс. 217—218 своего труда, съ цифрами общей его таблицы на сс. 260—261 за тѣ же годы въ графѣ таможенныхъ-же доходовъ, то нельзя не замѣтить ихъ совершеннаго несоотвѣтствія. Дѣло объясняется тѣмъ, что цифровыя показанія о движеніи таможенныхъ сборовъ за указанный періодъ времени съ сс. 217—218 попали не туда, куда слѣдуетъ: вмѣсто графы, въ которой они должны были бы быть помѣщены, ихъ надо искать въ графѣ канцелярскихъ сборовъ подъ соотвѣтствующими годами; тогда разсѣятся недоумѣнія читателя, естественно возникающія при видѣ тѣхъ (мнимыхъ) весьма рѣзкихъ колебаній, которыя будто-бы произошли, судя по таблицѣ на сс. 260—261, въ размѣрахъ канцелярскихъ сборовъ, напримѣръ, повышенія ихъ съ 1.350 тыс. рубл. въ 1770 г. до 3.136 тыс. рубл. въ 1771 году, или пониженія ихъ съ 4.749 тыс. рубл. въ 1784 г. до 2.800 тыс. рубл. въ 1785 году, считая одинъ чистый доходъ; но они упразднятся, если перенести указанныя цифры въ графу таможенныхъ доходовъ, соотвѣтственно перемѣстивши находящіяся здѣсь цифры въ графу канцелярскихъ доходовъ. Благодаря указанной перестановкѣ, почти половина всей таблицы искажена. Вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльныя цифровыя показанія, хотя бы по той же графѣ таможенныхъ доходовъ, не всегда понятны, можетъ быть, потому, что лишены нужныхъ объясненій и оговорокъ. Валовой таможенный доходъ, согласно показаніямъ принятымъ авторомъ на с. 217-й за 1772 годъ равенъ 3.226 тыс. рубл., чистый—3.100 рубл.; самъ авторъ указываетъ на то, что издержки собиранія опредѣляются путемъ сравненія цифры дохода съ цифрою поступленія (с. 219); по такому расчету издержки собиранія должны быть равными 126 тыс. рубл. Въ общей таблицѣ государственныхъ доходовъ на с. 260 авторъ принимаетъ, однако, другія цифры: здѣсь подъ 1772 годомъ мы находимъ: чистый доходъ 3.150 тыс. рубл., издержки собиранія — 76 тыс. рубл. Такая раз-

ница показаній не оговорена авторомъ; а между тѣмъ она не совсѣмъ понятна, тѣмъ болѣе, что (3.100 + 126) = (3.150 + 76). Далѣе еще болѣе мелкія разногласія между цифровыми показаніями касательно тѣхъ же доходовъ, обнаруживаются и въ другихъ случаяхъ: на с. 218 авторъ принимаетъ за 1778 и 1779 гг. валовой доходъ съ таможенъ равнымъ: 2.971 и 3.118 тыс. рублямъ; на с. 261 (въ графѣ канцелярскихъ сборовъ) онъ помѣщаетъ подъ тѣми же годами другія цифры, а именно: 2.976 и 3.128 тыс. рублей. Такое разногласіе, конечно, объяснится, если обратиться къ вѣдомости 1793 года, гдѣ дѣйствительно стоятъ послѣднія цифры; но авторъ предпочелъ ихъ даннымъ на с. 218-ой, не сдѣлавъ никакой оговорки. Наконецъ, сличая вышеуказанныя ряды показаній можно отмѣтить еще одну неточность: подъ 1791 годомъ на с. 218 авторъ приводитъ цифру чистаго таможеннаго дохода слѣдующимъ образомъ: «7.212.000 (?)», а на с. 262-ой: «7.212.000». Аналогичныя недоумѣнія, пожалуй, могли бы возникнуть и относительно нѣкоторыхъ другихъ цифръ общей таблицы, но я не имѣлъ возможности подвергнуть ихъ столь же детальному разсмотрѣнію.

Выводы г. Чечулина относительно государственныхъ доходовъ во всякомъ случаѣ представляютъ попытку свести во едино обширный цифровой матеріалъ, который можетъ служить для разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ касательно исторіи нашего бюджета въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Значительную часть своей работы г. Чечулинъ посвятилъ обозрѣнію государственныхъ доходовъ за избранный имъ періодъ времени; переходя къ изученію государственныхъ расходовъ за то же время, авторъ прежде всего дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о точности дальнѣйшихъ вычисленій и объясняетъ, почему свѣдѣнія касательно государственныхъ расходовъ оказываются еще менѣе надежными, чѣмъ показанія относительно государственныхъ доходовъ.

Свое обозрѣніе государственныхъ расходовъ г. Чечулинъ раздѣляетъ на двѣ части: одна изъ нихъ обнимаетъ время за 1762—1780 гг., другая—время за 1781—1796 гг. Это дѣленіе предлагается авторомъ не столько въ виду какихъ либо теоретическихъ соображеній, сколько въ зависимости отъ состоянія источниковъ: свѣдѣній о государственныхъ расходахъ за 1762—1780 гг. онъ имѣетъ гораздо меньше, чѣмъ свѣдѣній за 1781—1796 гг. Такимъ образомъ, хотя самъ авторъ готовъ признать, что съ 1786 г. правительство «думало установить и проводить цѣлую опредѣленную экономическую политику», стоявшую въ связи съ «ухудшеніемъ экономическаго положенія массы населенія» и «общимъ финансовымъ разстройствомъ» послѣдняго десятилѣтія царствованія императрицы Екатерины II (сс. 227, 232, 320), но не выдѣляетъ его въ особый періодъ.

Впрочемъ и обозрѣніе государственныхъ расходовъ съ 1762 по 1780 гг. (с. 273) въ сущности сосредоточено авторомъ, главнымъ образомъ, на времени съ 1762 по 1773 гг.; о промежуткѣ же въ семъ лѣтъ съ 1774 по 1781 гг. онъ можетъ сказать лишь нѣсколько словъ (с. 273); такой пробѣлъ тѣмъ болѣе замѣтенъ, что именно въ теченіе означеннаго промежутка времени государственные расходы значительно осложнились: судя по расчетамъ автора, они достигли въ 1772 году (не считая расходовъ на войну) 31.555 тыс. рубл., а въ 1781 г. — 40.960 тыс. рубл., что объясняется, вѣроятно, прежде всего возрастаніемъ расходовъ на администрацію, преобразованную учрежденіемъ о губерніяхъ.

Довольно подробно остановившись на исчисленіи ежегодныхъ расходовъ на дворъ, армію и флотъ, г. Чечулинъ съ меньшею обстоятельностью изучаетъ расходы, производившіеся на удовлетвореніе «нуждъ населенія», т. е. на пути сообщенія, народное образованіе и призрѣніе, а также на колонизацію и т. п., причемъ погодныя цифровыя показанія по этимъ статьямъ даже не приводитъ въ текстѣ, а только въ примѣчаніи; въ общей же таблицѣ (обыкновенныхъ) государственныхъ расходовъ съ 1762 по 1773 гг. онъ не выдѣляетъ ихъ изъ статьи расходовъ на внутреннее управленіе вообще, и только особо отмѣчаетъ «издержки собиранія». Такимъ образомъ, читатель лишенъ возможности подробно слѣдить за соотношеніемъ между расходами на государственныя потребности въ узкомъ смыслѣ и на народныя нужды; да и отдѣльныя цифровыя показанія касательно нѣкоторыхъ расходовъ подобнаго рода нуждались бы въ поясненіяхъ.

Общая таблица государственныхъ расходовъ за 1762 — 1773 гг. также вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія. При составленіи предшествующихъ таблицъ г. Чечулинъ держался, хотя и не всегда послѣдовательно, правила особымъ шрифтомъ отмѣчать тѣ цифры, которыя онъ выводилъ приблизительно, на основаніи собственныхъ своихъ вычисленій. При составленіи таблицы на с. 283 авторъ забываетъ объ этомъ привилѣ. Цифровыя показанія о расходахъ на внутреннее управленіе добыты имъ, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: въ предшествовавшемъ очеркѣ онъ опредѣлилъ, во что «приблизительно» обходилось собираніе доходовъ; вычитая сумму этихъ расходовъ изъ общей суммы «годовыхъ издержекъ», онъ узнаетъ сколько тратила государственная казна на внутреннее управленіе (въ широкомъ смыслѣ) (с. 282); значитъ, цифры въ пятой и шестой графахъ таблицы, приблизительныя; но въ таблицѣ онѣ ничѣмъ не отличены отъ остальныхъ. Цифры расходовъ за 1769 годъ, не приведенныя въ извѣстныхъ автору отпечатанныхъ вѣдомостяхъ, также представляются гадательными; въ частныхъ своихъ таблицахъ онъ добываетъ свои цифры «предположительно» въ видѣ средней между цифрами 1768 и 1770 гг., но въ общей таблицѣ цифровыя

показанія за 1769 годъ изображены авторомъ въ томъ же видѣ, какъ и остальныя.

Относительно расходовъ за 1775 — 1780 гг. г. Чечулинъ не имѣетъ «современныхъ свѣдѣній», но пытается возстановить ихъ путемъ ряда соображеній, которыя едва ли можно признать вполнѣ точными. Автору «представляется почти несомнѣннымъ», что въ предшествующій рядъ годовъ (до 1781 г.) правительству удавалось обходиться обыкновенными доходами и что отъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ излишковъ не оставалось; но тутъ же авторъ указываетъ и на то, что правительство пользовалось чрезвычайными доходами, правда, «въ весьма незначительномъ размѣрѣ, а именно всего около 250.000 рубл. въ годъ». На основаніи этихъ соображеній авторъ приходитъ къ заключенію, что въ теченіе 1775—1780 гг. государство ежегодно расходовало «то, что ежегодно получало своими доходами плюсъ.... около 250.000 рубл. изъ чрезвычайныхъ источниковъ, въ видѣ займовъ и выпуска ассигнацій» (сс. 289 — 290). Между тѣмъ, правительство уже съ 1769 года заключало внѣшніе займы и выпускало ассигнаціи; я не знаю, принялъ ли авторъ ихъ въ расчетъ при опредѣленіи государственныхъ расходовъ въ теченіе 1769—1773 гг.; если не принялъ, то и его подсчеты государственныхъ расходовъ за указанные періоды нельзя признать вполнѣ однородными. Кромѣ того, самъ авторъ, очевидно, сомнѣвался въ пригодности своихъ цифръ за 1775—1780 гг. и исключилъ ихъ изъ общей таблицы государственныхъ расходовъ за время царствованія императрицы Екатерины II.

Вѣдомости о государственныхъ расходахъ съ 1781-го по 1796 годъ и другіе акты, напечатанные, главнымъ образомъ, въ сборникѣ Историческаго Общества, содержатъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о размѣрѣ доходовъ по разнымъ статьямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на суммы, которыя расходовались разными учрежденіями или поступали въ казначейства для статныхъ и для остаточныхъ суммъ. Дополнивъ эти свѣдѣнія еще нѣкоторыми другими, г. Чечулинъ опредѣляетъ ежегодные расходы на дворъ, на флотъ, на гражданское управленіе, на «духовныя мѣста», на пути сообщенія, почты и постройки, на учебную часть и на благотворительность, на развитіе колонизаціи, на уплату % по займамъ и, наконецъ, на разные мелкіе расходы въ теченіе указаннаго промежутка времени (сс. 290 — 318).

Самъ авторъ «съ полною увѣренностью и съ большимъ чувствомъ удовлетворенія считаетъ себя въ правѣ утверждать, что близкое соотвѣтствіе истинѣ его расчетовъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію» (с. 292); но самъ же онъ указываетъ на значительные пробѣлы въ цифровыхъ показаніяхъ относительно расходовъ въ губерніяхъ и расходовъ казначействъ для остаточныхъ суммъ за нѣкоторые годы. Дѣйствительно, достаточно полныя современныя свѣдѣнія о расходахъ въ губерніяхъ, извѣстныя автору,

относятся лишь къ 1781 и 1792—1795 гг.; замѣчая нѣкоторую устойчивость въ процентномъ соотношеніи этихъ расходовъ по главнѣйшимъ статьямъ, авторъ полагаетъ, что можно «съ вѣроятностью впасть лишь въ незначительную ошибку» распространить всѣ полученныя имъ цифры и на другіе годы (с. 295). Такой выводъ можетъ, однако, вызвать и нѣкоторыя сомнѣнія: авторъ располагалъ подробными свѣдѣніями лишь за одинъ 1781-й годъ, между тѣмъ какъ цифры за 1792—1795 гг.—среднія за четыре года; трудно быть увѣреннымъ въ устойчивости показаній за 1780-е годы по даннымъ одного 1781 г., между тѣмъ какъ уже въ слѣдующемъ году правительству пришлось сдѣлать выпускъ ассигнацій въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ еще ни разу не выпускались (с. 332), и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Чечулинъ «распространяетъ полученныя цифры на другіе годы» и относительно болѣе мелкихъ статей расходовъ, устойчивость которыхъ при сравненіи показаній 1781 г. и 1792—1795 гг. не обнаруживается съ достаточною убѣдительностью. Расходы изъ вышеозначеныхъ суммъ, напримѣръ, составляли въ 1781 и 1792—1795 гг. на дворъ—(?) и 0,3%, на армію 5,4% и 2,7%, на пенсіи 1,9% и 4,1%, на воспитательные дома и колодниковъ 1,0% и 1,7%, на мелкія статьи—2,0% и 0,7% (с. 294). Тѣмъ не менѣе авторъ «распространяетъ» и такія цифры на другіе годы, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько видоизмѣняетъ ихъ, подробно, однако, не мотивируя своихъ поправокъ и даже не всегда оговаривая ихъ. Расходы на дворъ, напримѣръ, (все изъ тѣхъ же суммъ, оставляемыхъ въ губерніяхъ) онъ опредѣляетъ въ 0,25% (с. 295), ниже и довольно случайно объясняя, что онъ принялъ этотъ расходъ не въ размѣрѣ 0,30%, а въ размѣрѣ 0,25%, «такъ какъ раньше его вовсе не было» (с. 302, прим.). Аналогичныя колебанія можно замѣтить и въ другихъ процентныхъ отношеніяхъ, принимаемыхъ, но слишкомъ мало разъясняемыхъ авторомъ (с. 295—296). Въ расходахъ казначейства для остаточныхъ суммъ, судя по извѣстнымъ намъ даннымъ, также нельзя замѣтить постоянства или равномѣрнаго возрастанія: самъ авторъ приводитъ таблицу этихъ расходовъ за 1785—1786 гг., 1788 г. и 1790—1793 гг.; она свидѣтельствуетъ о значительныхъ ихъ колебаніяхъ по разнымъ статьямъ; сумма расходовъ за 1785 г., напримѣръ, меньше суммы расходовъ за 1790 г., приблизительно, въ 2, 3 раза, а сумма расходовъ за 1790 г. больше суммы расходовъ за 1793 годъ приблизительно въ 1,7 разъ (с. 300). Тѣмъ не менѣе авторъ, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, считаетъ возможнымъ принять среднюю цифру расхода казначействъ для остаточныхъ суммъ въ размѣрѣ «около» 15 мил. рубл. въ годъ и даже приходитъ къ заключенію, что «нѣтъ основаній предполагать, чтобы процентное отношеніе отдѣльныхъ статей измѣнялось рѣзко при незначительныхъ измѣненіяхъ всего оборота этихъ казначействъ» (с. 302).

На основаніи добытыхъ имъ такимъ образомъ процентныхъ соотношеній между расходами, покрываемыми изъ суммъ, которыя оставались въ губерніяхъ, или поступали въ одно изъ центральныхъ казначействъ и т. п., г. Чечулинъ вслѣдъ за тѣмъ, взявши такія отношенія приблизительно, получаетъ общія суммы расходовъ на дворъ, на армію, на флотъ и т. п. (с. 302 и сл.); слѣдовательно, каждая изъ такихъ суммъ получена изъ слагаемыхъ, болѣе или менѣе предположительно высчитанныхъ авторомъ, что едва ли можетъ содѣйствовать большей ихъ достовѣрности. Между тѣмъ, при составленіи своихъ таблицъ расходовъ по главнымъ статьямъ авторъ, хотя и отмѣчаетъ нѣкоторыя изъ цифръ курсивомъ, но систематически не соблюдаетъ этого правила (см., напр., с., 308 и выше), а потому и таблицы, если пользоваться ими не справляясь съ текстомъ, легко могутъ ввести читателя въ недоразумѣніе. Расходы на духовныя мѣста напримѣръ покрывались суммами изъ губерній и статныхъ казначействъ. Авторъ, однако, даетъ три разныхъ опредѣленія суммы, расходывавшейся въ губерніяхъ на «духовныя мѣста»: одинъ разъ на основаніи цифровыхъ показаній вѣдомостей 1781 и 1792—1795 гг. онъ устанавливаетъ % ея въ размѣрѣ 6,9 и 5,3 (с. 294); другой разъ, предположительно, въ размѣрѣ отъ 7% до 5,25% (с. 295) и третій разъ, при составленіи общей таблицы, въ размѣрѣ 6% (с. 303 и 310). Расходы изъ суммъ статныхъ казначействъ на духовныя мѣста (да и на другія цѣли) опредѣляются авторомъ также приблизительно. Тѣмъ не менѣе въ общей таблицѣ расходовъ на духовныя мѣста, нѣтъ ни одной цифры набранной курсивомъ, и при ней не сдѣлано даже ни одной оговорки, которая предостерегала бы читателя (с. 310).

Общая таблица государственныхъ расходовъ въ теченіе 1762 — 1796 гг., заключающая разбираемый очеркъ, разумѣется, составлена (если имѣть въ виду отдѣльныя статьи) изъ предшествующихъ таблицъ; а потому и о ней приходится сдѣлать замѣчанія, уже высказанныя выше.

При пользованіи такими таблицами г. Чечулинъ сравниваетъ общія цифровыя показанія о государственныхъ доходахъ или расходахъ, относящіеся къ разнымъ періодамъ и иногда раздѣленныя значительными промежутками времени; но можно ли, точно исчислять степень возрастанія или убыванія суммъ, выраженныхъ въ единицахъ, вѣроятно, неодинаковой цѣнности, безъ всякихъ оговорокъ относительно ея колебаній?

Послѣдній свой очеркъ г. Чечулинъ посвящаетъ исторіи образованія государственнаго долга; сперва онъ изучаетъ мѣры для поддержанія равновѣсія въ бюджетахъ 1769—1785 гг., а затѣмъ переходитъ къ обозрѣнію такихъ же мѣръ въ теченіе 1786—1796 гг., главная изъ которыхъ состояла въ выпускѣ 100.000.000 рублей ассигнаціями, и выясняетъ «финансовое положеніе» Россіи въ послѣднее десятилѣтіе царствованія императрицы Екатерины II.

Въ началѣ своего очерка г. Чечулинъ дѣлаетъ нѣсколько историческихъ справокъ касательно возникновенія ассигнацій; но его замѣчанія очень отрывочны: упомянувши о томъ, что «къ выпуску денежныхъ знаковъ приступать не рѣшались, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о неуспѣхѣ операцій съ мѣдными деньгами при Алексѣѣ Михайловичѣ, освѣженныхъ еще [воспоминаніенъ о...?] печальною участью предпріятій Джона Ло», авторъ прямо переходитъ къ указанію на то, что «вексельное обращеніе было введено впервые для частныхъ лицъ при Елизаветѣ Петровнѣ» (с. 321).

Мысль о выпускѣ ассигнацій, однако, давно уже была высказана кн. Иваномъ Андреевичемъ Щербатовымъ, почитателемъ системы Ло: въ 1720 году онъ перевелъ его разсужденіе о «деньгахъ и купечествѣ съ предлогами къ присовокупленію въ народѣ денегъ»; по словамъ кн. М. М. Щербатова онъ-же представилъ Петру Великому проектъ о заведеніи банковыхъ ассигнацій въ Россіи; «сей государь усмотрѣлъ всю важность сего проекта, сочинителя наградилъ, но по немъ ничего не исполнилъ, говоря, что сіе еще рано»; извѣстно, однако, что вскорѣ затѣмъ, по удаленіи Ло изъ Франціи, преобразователь попытался привлечь его на русскую службу [1]). Хотя мысль о введеніи въ Россіи бумажныхъ денегъ въ то время была оставлена, однако, она снова была высказана въ нѣсколько иной формѣ въ одномъ изъ проектовъ вымѣна пятикопѣечниковъ, представленныхъ въ сенатъ. Внутреннее достоинство пятикопѣечниковъ значительно рознилось отъ нарицательной ихъ стоимости: въ своемъ проектѣ И. А. Мелисино и И. А. Шлаттеръ предлагали вымѣнивать ихъ на билеты. Достойны вниманія и тѣ мотивы, въ силу которыхъ сенатъ отклонилъ это предложеніе: «билеты потому жъ въ Россіи не токмо не за обыкновенное и незнаемое дѣло, но и самое вредительное и весьма хуже нынѣшнихъ пятикопѣечниковъ; ибо мѣдные пятикопѣечники внутреннюю мѣди доброту имѣютъ, около 8 р. за пудъ, а билеты никакой уже и внутренней доброты имѣть не будутъ; и ежели ихъ въ Россіи умножить, то пока вымѣнивать ихъ съ превеликимъ казеннымъ убыткомъ и съ крайнимъ народнымъ разореніемъ не сравненно противъ уменьшенія цѣны нынѣшнихъ пятикопѣечниковъ принуждено будетъ; къ тому жъ сіе весьма предосудительно будетъ, что вмѣсто денегъ будутъ ходить бумажки, да и опасно, что бы не подать причины впредь худымъ разсужденіямъ» [2]). Не-

1) П. Пекарскій, Наука и Литература при Петрѣ Великомъ, т. I, сс. 243—248. Кн. М. Щербатовъ «Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба», въ Чт. М. О. И. и Др., 1860 г. кн. 1 с. 122 и въ Соч., т. I, с. 698.

2) П. С. З., т. XII, № 8940, (с. 110). Того же 11 Мая сенатъ приказалъ «онымъ пятикопѣечникамъ августа съ 1-го числа сего 1744 года въ нарядѣ ходить и въ казну во всякіе сборы принимать по 4 копѣйки»; ср. «Сен. Арх.», т. VI, с. 63.

смотря на столь вѣскіе аргументы, правительство черезъ 18 лѣтъ впервые попыталось ввести въ обращеніе бумажныя деньги; помышляя о изобрѣтеніи «легчайшаго и надежнѣйшаго средства хожденіе мѣдныхъ денегъ облегчить и въ самой коммерціи удобнымъ и полезнымъ сдѣлать учрежденіе знатнаго государственнаго банка...», оно объявило указомъ отъ 25 мая 1762 года о намѣреніи своемъ «надѣлать, какъ наискорѣй, банковыхъ билетовъ», размѣнъ которыхъ былъ-бы, впрочемъ, обезпеченъ соотвѣтствующимъ металлическимъ фондомъ [1]). Послѣ переворота 28 іюня финансовая политика правительства, однако, снова рѣзко измѣнилась: въ своемъ докладѣ по поводу «истребленія» легковѣсной мѣдной монеты сенатъ предложилъ «бумажныхъ банковыхъ билетовъ не дѣлать», а докладъ сената былъ высочайше конфирмованъ 20 декабря 1762 года [2]). Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ сотрудниковъ императрицы Екатерины II, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, необходимость облегчить «циркуляцію денегъ въ государствѣ», высказывались за введеніе ассигнацій. Членъ коммиссіи о коммерціи Т. И. Клингштедтъ писалъ, напримѣръ, еще до первой турецкой войны, что «изысканіе лучшихъ и способнѣйшихъ средствъ для прекращенія убытка, причиняемаго множествомъ ходящихъ въ торгу мѣдныхъ денегъ», можно «исполнить или учрежденіемъ надежнаго и народномъ кредитѣ основаннаго банка, и введеніемъ въ обычай вѣрныхъ банковыхъ билетовъ, которыхъ бы число никогда не превосходило дѣйствительно находящейся въ банкѣ суммы, или инымъ какимъ образомъ способнѣе сего» [3]). Аналогичнаго взгляда придерживался и авторъ другой записки, представленной императрицѣ въ 1768 году; авторъ ея, повидимому Я. Е. Сиверсъ, предлагалъ императрицѣ учредить банкъ для выпуска и размѣна банковыхъ «цеттелей»; послѣдніе должны были служить средствомъ для устраненія того неудобства, которое возникало при переводѣ денегъ изъ одного мѣста въ другое, а затѣмъ, когда довѣріе къ нимъ утвердится, и способомъ умножить ихъ количество [4]). Наконецъ, вскорѣ за тѣмъ вспыхнувшая турецкая война побудила императрицу поставить въ совѣтѣ вопросъ о введеніи ассигнацій; рѣшено было для облегченія обращенія въ имперіи и «для начинающейся войны на расходы первой компаніи учредить бумажныя ассигнаціи, утвердя къ нимъ точно ту довѣренность, какая есть къ настоящимъ деньгамъ» [5]).

Лишь упоминая объ указѣ Петра III отъ 25 мая 1762 г., г. Чечулинъ подробно останавливается на введеніи ассигнацій въ силу указа 29 де-

1) П. С. З., т. XV, № 11550.

2) «Сенат. Арх.», т. XI, с. 315.

3) Т. Клингштедтъ, Планъ о приведеніи Россійской торговли въ лучшее состояніе (1765 г.) въ Чт. М. О. И. и Др. 1863 г., кн. 2, с. 46.

4) А. Куломзинъ, Ассигнаціи въ царствованіе Екатерины II въ Рус. Вѣст. 1869 г., май, сс. 216—219.

5) П. С. З., т. XVIII, №№ 13219 и 13220. А. Куломзинъ, Op. cit. ib., с. 219.

кабря 1768 года, но не обращаетъ вниманія на то, что сама императрица принимала участіе въ его составленіи[1]). «Первые признаки какихъ то потрясеній въ денежномъ обращеніи, по словамъ автора, были замѣчены уже въ 1772 году» (с. 324). Можно было бы указать, однако, и на болѣе раннія извѣстія, свидѣтельствующія о томъ, что уже во второй половинѣ 1771 года правительство было обезпокоено пониженіемъ курса: 20 октября этого года графъ Н. И. Панинъ представлялъ совѣту свои соображенія касательно возвышенія денежнаго курса въ Голландіи; не прошло и мѣсяца, какъ генералъ-прокуроръ сообщалъ совѣту, что купцы не даютъ векселей, «если не серебряною монетою, но ассигнаціями платить имъ представляютъ», а нѣсколько позднѣе (но все въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ), «вслѣдствіе прежняго своего представленія, о чинимомъ купцами затрудненіи въ пріемѣ за векселя ассигнацій», онъ же предлагалъ, «чтобъ въ постановленный тогда указъ о платежѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ за приносимыя ассигнаціи всякими деньгами, какія будутъ въ наличіи, прибавлено было, дабы и частные люди равномѣрно по валовой при портахъ торговлѣ принимали оныя безъ различія, особливо въ постановляемыхъ контрактахъ»: но совѣтъ не согласился съ такимъ предложеніемъ генералъ-прокурора «указомъ принудить частныхъ людей къ платежу за ассигнаціи всякими деньгами безъ разбору»[2]). Вслѣдъ за тѣмъ г. Чечулинъ разсказываетъ о дальнѣйшихъ выпускахъ ассигнацій и о негоціаціяхъ касательно заграничныхъ займовъ денегъ, о преніяхъ, происходившихъ въ совѣтѣ по поводу внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ; а также объ образованіи въ 1783 г. секретной коммиссіи для умноженія государственныхъ доходовъ (с. 333); авторъ останавливается и на изложеніи записокъ кн. А. А. Вяземскаго и гр. А. А. Безбородко, обсуждавшихъ, какими источниками доходовъ можно было-бы покрыть предвидѣвшійся на 1785 годъ значительный дефицитъ. «Раскритиковавъ предложенія кн. А. А. Вяземскаго, не затрагивавшія глубоко всей финансовой жизни страны, а лишъ повышавшія сборы, которые существовали уже издавна, и доказавъ, что предлагаемыя генералъ-прокуроромъ мѣры недостаточны, гр. А. А. Безбородко соглашался на нѣкоторое увеличеніе налоговъ, а главное, утверждалъ, что достаточная помощь можетъ быть заимствована изъ ассигнаціоннаго банка...» (с. 343). Императрица охотно пошла на встрѣчу предложенію, содержанію котораго она сочувствовала, и съ 1786 года приступила къ усиленнымъ выпускамъ ассигнацій.

Во второй главѣ своего послѣдняго очерка г. Чечулинъ изучаетъ исторію этого выпуска ста мил. рубл. ассигнаціями и его вліяніе на фи-

1) С. Р. И. О., т. X, сс. 313—317.

2) «Арх. Госуд. Сов.», т. I, ч. 2, сс. 412, 524.

нансовое положеніе государства въ послѣднее десятилѣтіе царствованія императрицы Екатерины II (сс. 344—374). Авторъ передаетъ содержаніе проекта коммиссіи, члены которой были назначены для разсмотрѣнія способовъ, выраженныхъ «въ запискѣ гр. А. П. Шувалова на разныя выгоды государству посредствомъ новаго устроенія ассигнаціонныхъ банковъ». Сама коммиссія, однако, старалась опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые указывали на вредныя послѣдствія, могущія произойти отъ излишняго выпуска ассигнацій; не смотря на возраженія самого кн. А. А. Вяземскаго, записка гр. А. П. Шувалова и докладъ коммиссіи были одобрены императрицей, что̀ и повело къ обнародованію извѣстнаго манифеста отъ 28 іюня 1786 года[1]). Подробно изложивъ ходъ дѣла, авторъ подвергаетъ критикѣ проектъ коммиссіи. Впрочемъ, самое осуществленіе проекта можно было бы представить въ нѣсколько болѣе точномъ видѣ. Въ одномъ изъ нашихъ архивовъ мнѣ попалась, напримѣръ, «записка объ ассигнаціяхъ», свидѣтельствующая о томъ, что выпускъ 100 мил. рубл. ассигнаціями, въ сущности, уже сталъ осуществляться до указа 28 іюня 1786-го года. Вслѣдствіе высочайшаго указа, даннаго генералъ-прокурору отъ 30 января 1785-го года, ему было предписано «надѣлать» государственныхъ ассигнацій по новымъ образцамъ всѣхъ сортовъ:

1) на обмѣнъ обращавшихся въ публикѣ прежняго образца ассигнацій на.....	41.722.125 рубл.
да сверхъ оныхъ по особливому именному указу на	6.000.000 »
Итого на	47.722.125 рубл.
2) сверхъ же упомянутаго количества, по именному указу, данному генералъ-прокурору отъ 24 сентября 1785 года, еще на.....	3.000.000 рубл.
Итого по двумъ нарядамъ на..	50.722.125 рубл.

Согласно вышеприведенному предписанію въ іюлѣ мѣсяцѣ 1786 года было уже совсѣмъ приготовлено новыхъ ассигнацій на 50.000.000 рублей. Вслѣдъ за тѣмъ, на основаніи высочайшаго о учрежденіи банковъ манифеста отъ 28 іюня 1786 года надлежало «надѣлать сверхъ тѣхъ 50 мил. рубл. еще на толикую-жъ сумму». Указомъ отъ 23 декабря того-же года генералъ-прокурору было повелѣно, «дабы вся назначенная по банковому поло-

1) А. Куломзинъ, Ассигнаціи въ царствованіе Екатерины II въ Рус. Вѣст. 1869 г., май, сс. 232—236.

женію пропорція ассигнацій на 100 мил. рубл. на фабрикѣ и въ типографіи совершенно окончена и въ банкъ доставлена быть могла въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1787 года»; но состоящій у присмотра за дѣланіемъ ассигнацій с. с. Небольсинъ донесъ генералъ-прокурору, что «все повелѣнное количество ассигнаціонныхъ листовъ, по прежнимъ и по послѣднему наряду составляющихъ всего 100 мил. рубл. подъ его надзираніемъ совсѣмъ отдѣлано и въ правленіе Банка отдачею окончено 16 сентября [1787-го года]»[1]).

Впрочемъ, г. Чечулинъ обращаетъ вниманіе на то, что правительство уже въ теченіе 1786—1787 гг. за счетъ ожидаемыхъ прибылей съ выпущеннаго имъ въ ассигнаціяхъ капитала, израсходовало (за исключеніемъ 15 мил. запаснаго капитала) чуть ли не весь капиталъ, если не считать суммы, назначенной для обмѣна старыхъ ассигнацій, которыя уже находились въ обращеніи (сс. 356, 360). Такіе результаты оказались тѣмъ болѣе плачевными, что новая война съ турками потребовала и новыхъ расходовъ; ихъ пришлось покрывать запаснымъ капиталомъ и другими способами: въ 1788 году весь запасный капиталъ въ 15 мил. рубл. былъ уже употребленъ на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ съ войною[2]) и съ того же времени число свободныхъ суммъ замѣтно убываетъ, а дефициты становятся крупнѣе дефицитовъ прежнихъ годовъ. Естественно, что правительство было озабочено изысканіемъ способовъ, какъ добыть деньги, и г. Чечулинъ указываетъ на главнѣйшія предложенія подобнаго рода, между прочимъ и на предложеніе «приступить къ продажѣ всѣхъ въ Россійской имперіи существующихъ пустопорожнихъ земель, коронѣ принадлежащихъ» (с. 370); но правительство все же не рѣшалось прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, и продолжало пользоваться прежними способами: съ 1787 года оно непрерывно обращается къ внѣшнимъ займамъ, а съ 1790 года, вопреки торжественно данному обѣщанію, что «число банковыхъ ассигнацій никогда и ни въ какомъ случаѣ не долженствуетъ простираться въ нашемъ государствѣ выше ста милліоновъ рублей», снова дѣлаетъ «замаскированный выпускъ новыхъ ассигнацій» (с. 369). Г. Чечулинъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе краткими указаніями на такіе выпуски и на вызванное ими быстрое паденіе курса ассигнацій: въ 1795 году онѣ уже ходили по 146 за 100 (с. 373). Въ связи съ тѣми же явленіями и государственный ассигнаціонный банкъ, въ сущности сталъ для казначейства кредитнымъ учрежденіемъ, на что авторъ не обратилъ должнаго вниманія. Министръ финансовъ, гр. Гурьевъ писалъ, напримѣръ, слѣдующее: «Хотя ассигнаціонному банку и поставлены были на видъ, какъ при учрежденіи его, такъ и послѣ, въ 1786 году, операціи,

1) Гос. Арх. XVI, 168, кар. 26, л. 810.

2) «Арх. Госуд. Сов.», т. I, ч. 2, стб. 452 и 454; у г. Чечулина — опечатка: на с. 362-ой вмѣсто 3 апрѣля 1787 года слѣдуетъ читать 3-е апрѣля 1788 г.

могущія содѣйствовать къ подкрѣпленію его кредита, какъ то учетъ векселей, покупка золота и серебра и проч., но всѣмъ извѣстно, что съ того времени оныя ограничились однимъ главнымъ его занятіемъ, т. е. выпускомъ ассигнацій. Съ усиленіемъ онаго достоинство банковыхъ бумагъ понизилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ и кредитъ его учинился слабѣе»[1]). Характеристика дѣятельности ассигнаціоннаго банка, данная въ одномъ изъ журналовъ государственнаго совѣта 1810-го года, свидѣтельствуетъ о такомъ именно ея направленіи. «Ассигнаціонный банкъ съ самаго начала своего преобразованія, удаляясь отъ существенныхъ своихъ предметовъ, занятъ былъ почти единственно доставленіемъ казначейству чрезвычайныхъ пособій въ нуждахъ государственныхъ и сдѣлался, наконецъ, ничто иное, какъ мѣсто заготовленія кредитныхъ бумагъ. Отъ сего первоначально капиталъ его въ 100.000.000 рубл. возросъ, наконецъ, (къ 1810 году, когда журналъ составленъ) до 577.510.000 рубл. Отпуская по временамъ огромную массу сію разнымъ мѣстамъ и лицамъ, Ассигнаціонный Банкъ вошелъ съ ними, а особливо съ государственнымъ казначействомъ въ запутанные и безполезные разсчеты въ разсужденіи возврата заимообразно отпущенныхъ суммъ, что со стороны казначейства по необходимости отсрочивалось всегда вновь на дальнѣйшее время»[2]). Такой взглядъ на заимообразный характеръ суммъ, расходуемыхъ посредствомъ выпуска ассигнацій сталъ утверждаться уже въ предшествующемъ столѣтіи: въ 1793-мъ году, напримѣръ, на засѣданіи 28 марта, совѣтъ, обсуждая нѣкоторыя предложенія новаго генералъ-прокурора А. А. Самойлова, полагалъ, что «должно также стараться и о вынятіи изъ народнаго обращенія 20 мил. рубл. ассигнацій, взятыхъ изъ ассигнаціоннаго банка заимообразно»[3]); но вышеприведенная записка свидѣтельствуетъ, что «возвратъ заимообразно отпущенныхъ изъ ассигнаціоннаго банка суммъ» легче было обсуждать въ совѣтѣ, чѣмъ исполнять на самомъ дѣлѣ.

Хотя г. Чечулинъ и «считаетъ преждевременнымъ рисовать общую картину и излагать, послѣдніе и окончательные выводы» касательно русскихъ финансовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, однако, онъ признаетъ возможнымъ заключить свой трудъ нѣсколькими общими «положеніями» (сс. 374—380). Авторъ отмѣчаетъ «прежде всего» «полную неудовлетворительность высшаго финансоваго управленія, полную неподготовленность правящихъ сферъ къ тѣмъ запросамъ, которые естественно возникали, и полное отсутствіе сколько-нибудь крупныхъ финансовыхъ дарованій въ

1) Гр. Д. Гурьевъ, Записка объ учрежденіи государственнаго коммерческаго банка 1817 г. въ Сбор. мат. и свѣд. по министерству финансовъ, 1866 г., т. III, №№ 11—12, с. 106.

2) М. Кошкаровъ, Денежное обращеніе въ Россіи, т. I, СПБ., 1898 г., с. 5.

3) «Арх. Госуд. Сов.», т. I, ч. 2, с. 501; ср. И. Кауфманъ, Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи, СПБ., 1909 г. (статья была напечатана еще въ 1895 г., но въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ), с. 16.

тогдашнемъ русскомъ правительствѣ». Вслѣдъ за тѣмъ авторъ признаетъ «крайне незначительное» экономическое движеніе страны впередъ за время цѣлаго столѣтія; «источники государственныхъ доходовъ, по его словамъ, оставались все тѣ же и въ концѣ царствованія Екатерины, какіе были въ началѣ XVIII в.; возрастаніе государственныхъ доходовъ не являлось ни въ какой мѣрѣ результатомъ повышенной экономической дѣятельности населенія, а объясняется повышеніемъ только размѣра сборовъ и естественнымъ приростомъ населенія; никакихъ новыхъ видовъ государственныхъ доходовъ не создалось, потому что не создалось ничего новаго и во всей экономической дѣятельности страны»; относительная величина расходовъ по разнымъ статьямъ бюджета за все царствованіе Екатерины II также «измѣнилась весьма незначительно и свидѣтельствуетъ, что измѣненія въ государственномъ хозяйствѣ и даже управленіи были не такъ глубоки и существенны, какъ можно было бы думать, если судить только по абсолютнымъ цифрамъ доходовъ и расходовъ въ началѣ и въ концѣ царствованія». Наконецъ, изъ только что формулированныхъ положеній авторъ выводитъ еще одно заключеніе: «крайнее отягощеніе плательщиковъ ясно выступаетъ предъ нами, какъ неизбѣжный результатъ плохого управленія финансами и своего рода застоя въ экономическомъ развитіи страны; на пространствѣ 30 лѣтъ съ каждаго плательщика стали взимать въ два съ половиной раза больше, чѣмъ платилъ онъ прежде; возрастаніе платежей могло бы представлять, въ дѣйствительности, меньше отягченія, чѣмъ какое указываетъ эта цифра, если бы развилась и оживилась экономическая жизнь страны; но такъ какъ этого не было, то удвоеніе сборовъ знаменовало именно удвоеніе податного бремени». Общіе, выводы автора, пожалуй, не лишены нѣкоторыхъ основаній; послѣдній изъ нихъ отчасти подтверждается, но и дополняется характеристикою царствованія Екатерины II, нѣкогда сдѣланною гр. А. Р. Воронцовымъ: «оно было, конечно, съ большимъ блескомъ, особливо по внѣшнимъ дѣламъ; большія пріобрѣтенія сдѣланы, служащія и къ безопасности Россіи, и къ лучшему составленію всей массы; но нельзя не признать, чтобъ сердце Россіи почти ежегодными рекрутскими наборами не было истощено; къ тому прибавились налоги, прежде еще зрѣлости своей, чтобъ Россія могла оные безъ изнуренія выносить»[1]).

Въ своемъ трудѣ г. Чечулинъ не довольствуется, однако, общими выводами изъ фактовъ; онъ подвергаетъ ихъ оцѣнкѣ и оправдываетъ или обвиняетъ дѣятелей изучаемаго имъ періода.

Г. Чечулинъ, правда, лишь изрѣдка прибѣгаетъ къ такому пріему, но все же онъ нѣсколько вредитъ научности его работы. Въ нѣкоторыхъ слу-

1) Арх. Воронцова т. 29, с. 459.

чаяхъ авторъ ограничивается лишь намеками, но не вдается въ ихъ разъясненіе: разсуждая, напримѣръ, о послѣдствіяхъ введенія подушной подати, онъ замѣчаетъ: «теперь система подушныхъ сборовъ отошла въ вѣчность; приходится русскому народу разбираться и въ тѣхъ слѣдахъ, какіе она оставила, считаться съ созданными ею условіями; въ нихъ много плевеловъ — и плевелы надо уничтожить; но не надо забывать и того, что не все плевелы на этой нивѣ» (с. 152). Въ другихъ случаяхъ авторъ высказываетъ сожалѣніе, что не случилось того, что ему кажется желательнымъ: говоря о томъ, напримѣръ, что предположенія А. П. Мельгунова (касательно реформъ камеръ-коллегіи) не осуществились, онъ продолжаетъ: «камеръ-коллегія получила только нѣкоторое увеличеніе штатовъ по указу 15-го декабря 1763 г., которымъ усилены были штаты всѣхъ вообще правительственныхъ мѣстъ, а больше никакихъ реформъ въ ней не произведено — и нельзя объ этомъ не пожалѣть очень и очень» (с. 70). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ считаетъ нужнымъ оправдывать или обвинять дѣятелей того времени; вкратцѣ упомянувъ, напримѣръ, о томъ, что уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и разныхъ мелкихъ сборовъ было «предложено и проведено» гр. П. И. Шуваловымъ, онъ продолжаетъ: за эту мѣру «многое можетъ быть прощено этому человѣку, причинившему во многихъ другихъ случаяхъ своею алчностью и корыстолюбіемъ не мало вреда государству» (с. 35). И напротивъ, при изученіи исторіи выпуска 100 мил. руб. ассигнаціями авторъ, не можетъ удержаться отъ осужденія «тогдашнихъ дѣятелей»; онъ заявляетъ, что «никакъ нельзя снисходительно отнестись къ ошибкѣ тогдашнихъ дѣятелей, ошибкѣ, которая равно неизвительна во всякое время и во всякомъ дѣлѣ, нельзя не поставить въ упрекъ, что и тогда, когда съ полнѣйшею ясностью обнаружилось, какъ жестоко обманулись они въ своихъ сложныхъ, казавшихся имъ геніальными, разсчетахъ, они не одумались...»; авторъ считаетъ «почти преступленіемъ» со стороны Совѣта, его «упорное нежеланіе раскрыть, наконецъ, глаза и признать, что онъ совершенно не въ силахъ разсчитать сколько-нибудь основательно выгоды или невыгоды столь сложныхъ финансовыхъ операцій» (сс. 360—361, 371). При производствѣ оцѣнокъ подобнаго рода легко впасть въ заблужденія, примѣры которыхъ были уже приведены выше. Во всякомъ случаѣ, высказывая подобнаго рода аксіологическія сужденія, г. Чечулинъ не прибавляетъ ничего существеннаго къ своему научному построенію. Впрочемъ, такихъ отступленій не много и они не нарушаютъ общаго впечатлѣнія научности, которое можно вынести при ознакомленіи съ разбираемымъ трудомъ.

IV.

Въ своемъ сочиненіи, посвященномъ разработкѣ весьма сложной и обширной темы, г. Чечулинъ придерживался пріемовъ и пришелъ къ выводамъ, съ которыми не всегда можно согласиться; но многіе изъ нихъ заслуживаютъ вниманіе и съ благодарностью будутъ приняты всякимъ, кто будетъ продолжать его работу.

Въ самомъ дѣлѣ г. Чечулинъ собралъ и привелъ въ нѣкоторый порядокъ значительный по объему матеріалъ, касающійся исторіи нашихъ финансовъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Авторъ, правда, не обратился къ архивнымъ разысканіямъ для того, чтобы восполнить пробѣлы, существующіе въ напечатанныхъ источникахъ, и не даетъ достаточно полной критики хотя бы главнѣйшихъ разновидностей тѣхъ источниковъ, которыми ему приходится пользоваться; подлинность нѣкоторыхъ цифровыхъ показаній, извѣстныхъ ему изъ однихъ печатныхъ текстовъ, подлежитъ, напримѣръ, сомнѣніямъ, которыхъ онъ не устранилъ; далѣе, степень достовѣрности многихъ другихъ показаній нуждается въ болѣе полномъ и систематическомъ изслѣдованіи, чѣмъ то, какимъ онъ удовлетворяется въ своихъ вычисленіяхъ; наконецъ, способы, которыми самъ онъ добываетъ свои выводы, далеко не всегда указаны, что̀ лишаетъ читателя возможности провѣрить ихъ. Тѣмъ не менѣе г. Чечулинъ располагалъ довольно значительнымъ количествомъ матеріала и много поработалъ для того, что-бы привести его въ порядокъ, нѣсколько выяснить организацію и функціонированіе финансовыхъ учрежденій и подсчитать государственные доходы и расходы, по возможности, за всѣ годы царствованія императрицы Екатерины II.

При производствѣ такой работы автору пришлось преодолѣть не мало затрудненій: всякій кто сколько нибудь знакомъ съ пріемами составленія нашихъ финансовыхъ вѣдомостей XVIII вѣка, легко представитъ себѣ, конечно, какого кропотливаго труда стоили автору тѣ таблицы, въ которыхъ онъ излагаетъ результаты своихъ вычисленій. При изученіи, напримѣръ, государственныхъ доходовъ ему нужно было постоянно добывать общіе итоги главнѣйшихъ сборовъ, которые въ вѣдомостяхъ того времени означены врозь; или же, обратно, ему приходилось изъ общаго итога, при помощи разныхъ соображеній, выдѣлять числа для присоединенія ихъ къ другимъ статьямъ; кромѣ того нѣкоторыя изъ современныхъ показаній не были ему извѣстны и онъ вычислялъ ихъ косвеннымъ путемъ. Въ подсчетахъ г. Чечулина нельзя не отмѣтить еще одного общаго пріема: при изученіи государственныхъ доходовъ онъ всюду старается выдѣлить изъ нихъ издержки собиранія, что даетъ ему возможность опредѣлить по каждой изъ главнѣйшихъ отраслей отношеніе валовыхъ доходовъ къ расходамъ взиманія, дохо-

дившимъ иногда, напримѣръ, при соляномъ сборѣ, до весьма значительныхъ размѣровъ. Преимущественно сосредоточившись на изученіи государственныхъ доходовъ, г. Чечулинъ съ меньшею подробностью разсматриваетъ государственные расходы; но обозрѣніе ихъ представляетъ не меньше, а, пожалуй, и больше затрудненій; они отчасти выяснены самимъ авторомъ въ третьемъ очеркѣ его труда, начинающемся съ «нѣсколькихъ словъ о точности дальнѣйшихъ вычисленій». И въ данномъ случаѣ г. Чечулинъ исполнилъ большую предварительную работу, особенно при исчисленіи государственныхъ расходовъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ изучаемаго имъ періода: въ виду особыхъ свойствъ источниковъ ему пришлось опредѣлять относительное значеніе расходовъ по разнымъ статьямъ бюджета и вычислять итоги всѣхъ расходовъ, производимыхъ разными кассами по одной и той же статьѣ, а затѣмъ уже, на основаніи такихъ данныхъ, составить общую таблицу государственныхъ расходовъ за болѣе чѣмъ тридцатилѣтній промежутокъ времени.

Результаты своихъ вычисленій г. Чечулинъ представилъ въ видѣ таблицъ; правда, способы обозначенія въ нихъ приближенныхъ величинъ не всегда выдержаны, а въ одной изъ главныхъ таблицъ столбцы перепутаны; но, принимая извѣстныя предосторожности, читатель все же можетъ пользоваться этими таблицами для того, чтобы выяснить себѣ размѣры главнѣйшихъ доходовъ или расходовъ, соотношеніе отдѣльныхъ статей въ годовомъ бюджетѣ или движеніе суммъ за слишкомъ тридцатилѣтній періодъ времени, сравниваемыхъ, впрочемъ, безъ всякихъ оговорокъ относительно колебаній въ цѣнности рубля.

Во всякомъ случаѣ можно сказать, что разбираемый трудъ довольно богатъ фактическимъ содержаніемъ, состоящимъ, преимущественно въ цифровыхъ показаніяхъ и ихъ подсчетѣ; но онъ имѣетъ менѣе значенія для историческаго ихъ пониманія. Г. Чечулинъ даетъ въ немъ лишь довольно бѣглые обзоры предшествующей исторіи высшаго управленія финансами, а также главнѣйшихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Авторъ довольствуется нѣсколько шаткой періодизаціей изучаемаго имъ промежутка времени, поставленной въ зависимость, главнымъ образомъ, отъ особенностей источниковъ, а не явленій; онъ также не останавливается, напримѣръ, на анализѣ основныхъ принциповъ экономической и финансовой политики императрицы Екатерины II и ея сотрудниковъ, на изученіи основныхъ факторовъ, вліявшихъ на образованіе ея финансовой системы, на роли отдѣльныхъ личностей и событій въ ея развитіи и т. п.; лишь въ послѣднемъ изъ своихъ очерковъ онъ отчасти измѣняетъ свой способъ изслѣдованія и удѣляетъ нѣсколько вниманія тѣмъ «дѣятелямъ», которые содѣйствовали стомилліонному выпуску ассигнацій. Авторъ, правда, довольно подробно излагаетъ исторію камеръ-

коллегіи и характеризуетъ спеціализацію доходовъ, препятствовавшую установленію единства кассы; но вмѣсто генезиса той системы финансоваго управленія, которая складывалась въ теченіе избраннаго имъ періода времени, онъ, въ сущности, даетъ лишь обозрѣніе главнѣйшихъ органовъ высшаго финансоваго управленія въ ихъ послѣдовательной смѣнѣ и почти вовсе не останавливается на изученіи «министерскаго начала», заступившаго мѣсто прежняго высшаго коллегіальнаго управленія: онъ не вдается въ изслѣдованіе финансовыхъ функцій, возложенныхъ на генералъ-прокурора; сверхъ того, при изображеніи реформъ 1773 и слѣдующихъ годовъ, автору едва ли можно было ограничиться однимъ «высшимъ управленіемъ финансами» и слѣдовало изучить кругъ дѣятельности казенныхъ палатъ; лишь тогда финансовая реформа 1773 и слѣдующихъ годовъ могла бы представиться намъ въ достаточно полномъ видѣ; слишкомъ мало выяснивши основныя ея начала и возраставшее стремленіе русскаго правительства установить нѣкоторое единство въ финансовой системѣ, авторъ не могъ связать изучаемаго имъ періода и съ послѣдующими реформами начала прошлаго вѣка. Наконецъ, историческіе обзоры, которые авторъ предпосылаетъ своему обозрѣнію нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ доходовъ и расходовъ того времени, представляютъ, большею частью, довольно мало новаго, а иногда вовсе отсутствуютъ, особенно, въ отдѣлѣ о государственныхъ расходахъ. Вообще, можно пожалѣть, что авторъ очень мало выясняетъ, почему данный сборъ именно въ томъ, а не иномъ размѣрѣ возникъ въ данное время и каковы были послѣдствія его введенія или измѣненія въ его окладѣ для населенія и для государства; то же приходится сказать и относительно отдѣльныхъ статей государственныхъ расходовъ.

Итакъ, г. Чечулинъ не столько изслѣдуетъ генезисъ нашей финансовой системы въ XVIII вѣкѣ и ея историческое значеніе, сколько даетъ обозрѣніе важнѣйшихъ элементовъ нашего бюджета за время царствованія императрицы Екатерины II-й. Съ такой точки зрѣнія, однако, разысканіе автора касательно важнѣйшихъ государственныхъ доходовъ, состава плательщиковъ, колебаній въ окладѣ податей, особенностей въ способахъ ихъ раскладки и взиманія, а также въ хозяйничаньи казны, далѣе исчисленіе средствъ, доставляемыхъ ими казнѣ, и издержекъ собиранія, наконецъ, свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ сборщиковъ и о размѣрахъ недоимокъ содержатъ много полезныхъ указаній; иногда авторъ сообщаетъ и болѣе мелкія подробности, не лишенныя значенія, напримѣръ: объ освобожденіи отъ подушнаго оклада малолѣтнихъ, числившихся по Воронежской губерніи до второй ревизіи; о продажѣ вина откупщиками; о характерѣ привоза заграничныхъ товаровъ, удовлетворявшихъ почти исключительно потребностямъ высшаго или болѣе обезпеченнаго слоя населенія; объ оригинальныхъ особенностяхъ сбора съ

топорныхъ барокъ; о стѣснительныхъ узаконеніяхъ касательно пошлинъ, связанныхъ съ укрѣпленіемъ за собою земли, и вызываемыхъ ими ссоръ изъ-за наслѣдствъ, и т. п. Впрочемъ, при обозрѣніи государственныхъ расходовъ г. Чечулинъ ограничивается вычисленіемъ ихъ размѣровъ по возможности за всѣ годы изучаемаго имъ періода и не вдается въ подробности; хотя матеріалъ, которымъ онъ пользуется, далеко не отличается полнотою, а многія цифровыя показанія вычислены имъ лишь приблизительно, однако, можно указать и на такіе случаи, когда полученные имъ выводы (напримѣръ, относительно расходуемыхъ статными казначействами суммъ), повидимому, близки къ случайно сохранившимся подлиннымъ цифровымъ показаніямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ не мало сдѣлалъ для того, чтобы установить размѣры расходовъ по отдѣльнымъ главнѣйшимъ статьямъ бюджета и даетъ понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ потребности государства и нужды населенія получали свое удовлетвореніе. Наконецъ, въ очеркѣ, посвященномъ изученію «образованія русскаго государственнаго долга» г. Чечулинъ также сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о его ростѣ, подробно разсказываетъ о преніяхъ въ совѣтѣ касательно изысканія средствъ на покрытіе ряда дефицитовъ и критикуетъ проектъ коммиссіи о выпускѣ ста милліоновъ ассигнаціями и послѣдующую финансовую дѣятельность правительства.

Въ заключеніе къ своему труду г. Чечулинъ формулируетъ нѣсколько «положеній»; авторъ, правда, не придаетъ имъ характера строгихъ научныхъ выводовъ или широкихъ обобщеній; но самъ онъ считаетъ преждевременнымъ «рисовать общую картину» нашихъ финансовъ въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Вообще ограничивъ свою задачу, г. Чечулинъ исполнилъ, однако, самостоятельную и трудную работу, во многихъ отношеніяхъ весьма полезную для будущихъ изслѣдованій, въ виду чего можно признать её достойной одной изъ наградъ графа Уварова.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00012411589